

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

ЕГО
Тучка

КНИГА 2

Любовь Попова
Его птичка. Книга 2
Серия «Его птичка», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50924588

SelfPub; 2022

Аннотация

– Все просто, Аня. Я спасаю твою мать, ты возвращаешься в мою постель, – говорит он настолько серьезно, что дыхание перехватывает. Просто потому что я вижу. Не шутит.

– Я думала, думала, что ты сделаешь это так. В память о том, что между нами было...

– Да, в память о том, что между нами было, я сделаю операцию стоимостью несколько сотен тысяч. А ты вернешься в мою постель, – настойчиво повторяет он, нависая всем своим мускулистым телом.

– Это жестоко, это недостойно врача.

Содержит нецензурную брань.

Любовь Попова

Его птичка. Книга 2

Глава 1. Аня

Дождь.

Он шел не прекращаясь, заставляя живых существ прятаться в укрытие, а землю буквально глотать воду. Он хлестал деревья, срубая листья и ветки, пряча уродство мира, как я прятала уродство своих натруженных балетом пальцев в носках, даже сейчас, пока Рома заставлял подчиняться своей воле.

Заставлял выстывать его имя, цепляясь за скользкое от испарины тело, пока он на зависть ливню обрушивался на мое податливое тело. Снова и снова.

– На меня смотри.

Это было уже на грани. Его большой идеальной формы член, скользящий внутри, его тело, запах, все это окружало меня, будто пламенем. Я сгорала. И наслаждалась этим. И его серыми глазами. Там отражались все мои чувства.

Он сдерживался. Его движения были четко выверенными. Он вламывался в мое тело для моего удовольствия. В очередной раз ставил на колени, пусть только эмоциональную, чувственную часть меня.

Кроме ощущения его члена внутри ничего не осталось.

Только острый незамутненный экстаз и жесткое требование, подкрепленное рычанием.

– Кончай, давай уже.

Одна рука сжала холмик груди и потянула за сосок. Все. Меня накрыло. Мир вокруг уже порядком потемневший, почернел совсем, подобно космосу, в котором новой звездой взорвался мой оргазм.

– Черт, как же я скучал по твоей узкой киске.

Он утробно стонал, продолжая толкаться внутрь, пока я захлебывалась в собственном крике, уже не в силах смотреть в его глаза.

Рома ускорил движения бедрами, отчего отголоски чувственного возбуждения искорками стали вспыхивать в теле и отдаваться в мозгу.

Он резко перевернул меня на живот и проведя по промежности рукой, ввел два пальца, постоянно прикусывая кожу на спине и лаская рукой то одну, то другую грудь.

– Мокрая, какая же ты всегда мокрая. Для меня.

– Рома!

Он оттягивал свое удовольствие, доставляя его мне. Пальцами, губами, своим запахом. Он обволакивал меня, заставляя сдаваться на милость страсти. Снова и снова. И вот я уже насаживаюсь на пальцы. Сама. Желая почувствовать на месте пальцев твердый, пылающий жаром орган.

Второй оргазм накрыл внезапно, выбив дух из тела и вынудив закричать, срывая горло:

– Рома! О, господи!

– Да милая, кричи, кричи для меня, – рычал он, и не дождавшись пока меня отпустит, всадил зачехленный в тонкий защитный барьер член.

Вот и развязка. Рома больше не сдерживался, впиваясь до синяков в мои бедра и вынуждая выгнуться в спине, когда взял за волосы. Его член заработал с отчаяньем отбойного молота, врываясь в мое уже расслабленное тело.

Разрядка настигла его буквально через пару минут. Я ощутила, как член во мне стремительно увеличивается и подрагивает.

Рома кончил, как всегда беззвучно, дрожа всем телом, тесно прижавшись губами к моей спине и прикусывая тонкую кожу. И я знала, что там опять останутся отметины, которые давно стали отражением моей болезненной тяги ко взрослому мужчине.

Мы лежали еще некоторое время, обессиленные любовной схваткой, давно не видевшихся любовников. Возможно, именно редкие встречи делали соития столь неистовыми?

Вот разве могут чувства быть столь противоречивыми.

Еще несколько минут назад я задыхалась от экстаза, потом мне хотелось рвать и метать за глупость. По сути.

Ну, презерватив, ну и что? Но ведь безопасность важнее всего, а Рома не хотел, чтобы я принимала таблетки.

Даже смешно.

Врач и против таблеток. Просто я всегда хотела чувство-

вать Рому, без барьеров, без условностей, как в тот, первый раз, когда ощущаешь пульсацию живой горячей плоти, вкус семени.

Но даже здесь он закрывался.

Сейчас же я как кошка, объевшаяся сметаны, мурчу у любимого под боком, пальчиком очерчивая гладкую кожу его груди.

Его тело не было похоже на атлетические фигуры наших парней из группы. Все-таки физических сил хирург тратит меньше, чем танцор. Хотя напряжения в разы больше.

Но Рома занимался, это было видно по развитым мышцам на руках, и той силе, с которой он сжимал меня во время секса. Но скоро все закончилось. И то щемящее чувство груди стало стремительно превращаться в боль.

Зазвонил телефон.

Первая встреча за неделю, полчаса, а ему уже пора бежать. Операция. Исследование. Начальство. Что угодно, только чтобы не сдать позиций ни на миллиметр. Только бы не дать мне приблизиться к нему, ни на шаг.

Рома закончил разговор.

И бинго!

Мое первое предположение оказалось верным. Операция – через час.

Но разве он мог просто встать и уйти в душ. Нет, он выбросил в мусор презерватив, тут же накрыл мой рот губами и стал жадно пить мою привязанность, уже остро перераста-

ощую в неизлечимую болезнь.

– Птичка...

Его извиняющийся тон делал только хуже. Хотелось вцепиться, не отпускать, потребовать остаться, но пальцы сами собой разжались, и губы разжались, выдавливая улыбку.

– Я все понимаю.

– Да, знаю. Не успеваю, как следует насладиться твоим маленьким телом, – шептал он, целуя мою шею, заставляя изгибаться и жаться к нему теснее, – в выходной обязательно останешься на ночь.

– А может, сходим куда-нибудь? – осторожно спросила я, прекрасно зная, что он сейчас ответит.

Было глупо надеяться на романтическую прогулку, на поцелуи под заснеженными деревьями, на зеленый чай в любимой кофейне.

Было глупо надеяться, что он уступит, но я все равно с надеждой смотрела в сразу посерьезневшие глаза.

Рома на это только нахмурился, но потом его лицо приняло обычное, слегка насмешливое выражение.

– Я лучше буду наслаждаться твоими шпагатами в кровати, чем морозить яйца на улице. Погуляешь с подружками, я же предлагал тебе денег.

– Ты опять за свое? – тело напряглось, и я села, вперивая взгляд на город, раскинувшийся белым океаном за окном.

Ноябрь не радовал погодой. Погода, такая жаркая недавно, стремительно портилась и между нами.

– Ладно, закроем тему, – безразлично пожал он плечами и вдруг резко дернул меня за волосы, вызвал болезненный стон и уложил назад.

– Твои феминистские наклонности уже подбешивают.

Встав в полный рост, он дал мне возможность любоваться крепким торсом и широким разворотом плеч. Я бы и рада заниматься этим всю ночь, как он обещал, но в очередной раз зовет труба.

– Не смотри на меня так, Аня.

– Я не смотрю. Всё понимаю, – проглотила я обиду, думая о том, чего мне стоило сорваться на ночь глядя, когда отгремели спокойной ночи малыши и приехать к нему, потратив деньги на такси.

Я не брала у него денег и дело было не в принципиальности, просто в мозгу до сих пор сидел таракан, напоминающий о дорогущей, незаслуженной покупке.

Айфон последней модели, взамен утерянного в аварии старого.

Неравнозначная замена, но спорить с ним было бесполезно.

– Давай хотя бы такой же, мой телефон меня вполне устраивал.

– Аня, – резко, непримиримо. – Я должен знать, что твоя труба не накроется, когда я захочу тебя видеть. Понимаешь? О, я понимала.

Понимала, что превратилась в девушку на побегушках, и

к своему стыду не хотела ничего менять.

Слишком крепкими были объятия, казавшиеся оплотом мира, слишком властными было ощущение члена внутри, невероятно восхитительное, словно выступление на сцене.

Рома стал всем и как бы это было неправильно, не вовремя, и вообще не нужно никому из нас, он перекрыл даже любовь к балету.

Предательница. Ведь ты понимаешь, Аня, что значит для него работа, просто твоя перестала иметь столь решающее значение.

– Я все прекрасно понимаю, – как заведенная убеждала я себя.

Натянула на рот милую улыбку, не хотела показаться назойливой или непонимающей.

Потом села, судя по потемневшим глазам Ромы, во вполне соблазнительную позу и провела кончиком пальца по твердому животу и столько же твердому члену.

Его вид не пугал, он был большим, с выпирающей розовой головкой, он спокойно помещался в моем теле.

Он, если честно, если говорить со всей откровенностью, со всей звенящей в ушах откровенностью – был идеальным. Таким, что хотелось и рукой провести, и в рот взять.

Я пока ограничивалась первым, наверное, потому что знала, что Рома от моей невинности сходит с ума, а еще от того, что был первым, а мне хочется, чтобы и единственным.

Но мечтать стать примой балериной проще, чем мечтать

о том, как Рома будет снимать с меня свадебное платье.

Он утробно застонал, когда я обхватила пальцами основание и легонько сдавила, ровно как он учил. Он очень любит меня учить, направлять, заставляя биться от предвкушения, от жажды напиться из источника, которым я его считаю. Мой личный оазис. Нереальный, и такой прекрасный.

Он вновь вздрогнул, и резко обхватил мое запястье рукой, а другой сжал подбородок, заставляя поднять взгляд.

– Вот и молодец, что понимаешь, – пробормотал он хрипло, вглядываясь в меня, лаская лицо, стараясь, очевидно, совсем поработить. Проблема-то была как раз в том, что я не против. Совсем не против.

– Я же не заставлял тебя приехать.

Конечно, не заставлял. У нас вообще все добровольно и взаимно приятно. Он просто сказал заклинание, словно вводившее меня в гипнотический транс.

Ты мне нужна.

Три слова. Десять букв и словно вся жизнь в одном правильно построенном предложении. Мне сносило голову, я по возможности бросала всё и мчалась, и летела, и парила.

К нему, к нему, и пусть потом будет больно, и пусть потом не будет ничего.

Сейчас он есть. «На полчаса», – подсказал противный внутренний голосок. Вот чего ты достойна. Получасового перепиха и заказа такси.

«Сама доеду», – мысленно произнесла я.

Еще раз коснувшись моих губ, Рома сделал пару шагов до платяного шкафа и достал большое белое полотенце.

Наверное, профессия действительно накладывает отпечаток, иначе не было бы в его современной квартире столько белого и стерильного. Ни пятнышка в этом храме педанта. Иногда мне кажется, что я здесь лишняя. Вот сейчас возьмут влажную продезинфицированную салфетку и сотрут меня к чертям.

И Рома своим отношением тоже не помогал освоиться. Впускал, трахал, выпускал. Вроде бы и жаловаться не на что, а в подкорке все равно сидит вязкая, такая неприятная обида.

Неужели ты не достойна провести здесь побольше времени? Неужели ты не заслуживаешь лучшего?

– Одевайся Ань, я такси тебе закажу, – проговорил он с легкой улыбкой, и хромая пошел в сторону душа.

Я закусила губу, пропустив мимо ушей очередное «в моем доме можно быть только со мной» и виновато смотрела на еще свежий шрам на его ноге. Тот самый, из-за которого он хроمال.

Воспоминания о собственной глупости накатили на меня порывом морозного ветра, ворвавшегося в приоткрытое окно.

Влажная кожа мигом заледенела. На глазах выступили слезы.

Я встала, чтобы закрыть створку и всмотрелась в припо-

рошенные снегом дали столицы. Сегодня идет снег, а тогда шел настоящий, буйный ливень.

Уже одеваясь, я то и дело мысленно возвращалась к той самой аварии.

Дождь в тот день шел с самого утра, заливая дороги огромными лужами, в которых подобно расшалившимся детям плескались машины, не думая ни о чем, кроме веселых брызг и погони.

Аварии в такие дни не редкость, но люди редко задумываются об этом, занятые своими сверхважными делами. Очевидно, поважнее собственной безопасности.

Обычно осторожный Рома в тот день несся на полной скорости, заведенный моей глупостью и ревностью, и не заметив, как другой такой же лихой водила на своем новомодном Car-e решил побороться с транспортной системой и рванул с места гораздо раньше, чем загорелся зеленый свет светофора.

Столкновение машин было неизбежным финалом этой погони за весельем, снеся по пути еще пару аппаратов.

Дорога в том месте не была заполнена транспортом, как в других частях города, поэтому четыре поврежденные машины долгое время просто одиноко лежали в разных частях проезжей части.

Лежали до тех пор, пока мимо не проехал равнодушный к чужой беде человек, чтобы помочь – потом еще один. Вызвали скорую. Спасатели метались среди машин, выискивая

живых, опасаясь грядущего пожара.

Именно огня боялась и я, когда ощутила стойкий запах бензина, пробивающийся даже сквозь плотную стену дождя.

Запах повсюду, очевидно, при ударе повредился бак в машине. Бензиновое дуновение пробилось в мой организм, заставляя вынырнуть из тяжёлого, вызванного страхом и болью, дурмана. Машина была перевернута, а на мою ногу давило тяжелое тело.

– Рома, очнись, надо выбираться, – тело дрожало от холода и зубы отбивали нестройный ритм.

Ответа не было, даже дыхание из-за глухих ударов капель о металл нельзя было различить. Только не умирай. Только не сейчас. Чувствуя абсолютную безнадёжность и желание просто лечь и уснуть, я заплакала.

– Рома, пожалуйста. Я не хочу умирать!

Не так! Не здесь! Не тогда, когда жизнь только началась, а рядом появился человек, к которому я испытала нечто сумасшедшее, волшебное, пусть и болезненное.

Напрягая все мышцы тела, я попыталась поднять тело Ромы и вылезти из-под него. Но судя по всему, что-то прижимало нас сверху.

Слезы катились по щекам, смешиваясь с дождем, холод уже не чувствовался. Тело занемело. Страх и ужас стремительно поглощали. Но делать нечего, надо хоть попытаться, хотя бы дать нам шанс на спасение.

– Рома, пожалуйста! —закричала я ему в ухо. Он дернул-

ся, заставив меня облегчённо выдохнуть. Жив. Главное жив.

– Девушка? —внезапно раздалось над головой.

О, небеса, о, Боги. Спасибо! Спасибо!

Что может быть лучше живого голоса, прорвавшегося сквозь туман собственного отчаяния.

Я подняла взгляд, увидела лишь серое мрачное небо и дождь, что разбивался о мою кожу, уже ставшую размякшей. Как будто я долго отлеживалась в ванной.

Да, ванна сейчас была бы наслаждением, возможно, последним. Где-то сбоку мелькнуло лицо, но разглядеть черты не представлялось возможным. Кажется, рядом стоял еще кто-то. Очередные зеваки.

– Девушка, надо торопиться, скоро полыхнет.

– Да что вы говорите.

Огрызаться было плохой идеей, но злость помогала. Злость на завистников помогала двигаться по жизни вперед. Сейчас злость поможет выжить.

Я снова напрягла мышцы в слабой попытке столкнуть с себя тяжелое тело.

В итоге помогли другие. Вдалеке уже слышался вой сирены. Скорая. Значит, все будет хорошо, мы успеем выбраться.

Шум голосов хоть и был громким, но не мог перекрыть отдающийся в мозгу стук дождя. Машину начали открывать, взламывать, постоянно опасаясь искры, которая могла разрушить все.

Одна искра и бензиновые пары вспыхнут прекрасным и

таким смертельным пламенем.

Рому вытянули первым, оказалось, в ноге у него торчит кусок стекла. Рома дернулся, когда его вытаскивали и на мгновение открыл остекленелые глаза.

Меня вытащили следом – взяли под подмышки и потянули наверх, словно из колодца. Мужчина в форме скорой почему-то казался смутно знакомым, но я быстро переключила внимание на Рому.

Меня хотели посадить во вторую машину скорой, но я тут же замерла, как будто вот прямо там выросла в асфальт.

– Я поеду со Ромой.

– Вам лучше...

– Мне лучше быть с ним.

Примерно такой же диалог проходил в машине скорой помощи, где на каталке уже накрытый и трясущийся, лежал Рома.

– Черт бы тебя побрал, Власов, приведи мне ее и все! – его рычание отдавало чечеткой зубов, а мне вдруг стало хорошо. Потому что живы. Потому что злость помогала бороться. Потому что несмотря ни на что, вместе.

Я вымученно улыбнулась, не зная, что сказать, и просто села на свободное место, стараясь не смотреть на окровавленную ногу.

– Стекло придется вынимать уже в больнице, – подал голос медбрат, но Рома лишь отмахнулся, не сводя с меня озабоченного взгляда.

– Не ушиблась? – спросил так, как будто мы на роликах катались, а не по горбу костлявой проехались.

– Получше, чем ты, – криво усмехнулась я, на что получила лишь тяжелый взгляд.

– Голова не болит? Власов проверь давление. И ребра? Обязательно проверь нет ли скрытых переломов ног. Для Синицыной очень важны ноги.

– Сейчас важнее всего твое здоровье.

Меня проверили. Я, наконец, узнала круглолицего парня. Именно он вез меня в скорой перед первой встречей с Ромой. И вот опять.

Я долго не сводила взгляда с влажного красивого лица. Он отвечал мне тем же. Не сдержав порыва, мельком взглянув на не сводившего с нас взгляда фельдшера, я коротко поцеловала холодные губы. Это принесло своего рода успокоение. Не поцелуй страсти, а просто желание доказать себе, что живы.

Я уселась поудобнее, пристегнулась, и вдруг ощутила, как меня коснулись пальцы Ромы. Я обрадовалась, что руки у него, его рабочий инструмент, были не повреждены. Иначе меня бы сожрало чувство вины, лишись он возможности делать то, что любит больше всего на свете.

Лично я бы не пережила потерю шанса танцевать на сцене. Не убила себя, конечно, но и жила бы без прежнего азарта.

Я смотрела на серую дождевую стену за окном, думая, что теперь возненавижу это природное явление.

Хотя в том, что произошло, вряд можно винить дождь. Это словно винить оркестр, который сыграл свою партию, но ты учила совершенно другую и опростоволосилась на сцене. Глупо. Так глупо плакать.

Вот и я. Устроила сцену, сбежала, не разобравшись. Это и повлекло за собой цепочку событий. Чем была вызвана авария непонятно, но то, что Рома гнал, обгоняя свет фар из-за гнева на меня, было известно. Я мельком взглянула на его бледное лицо.

Будет ли он злиться? Понятно, что сейчас он думает о том, что выжили. Облегченно прикрыл глаза. Но когда опасность остается позади, люди начинают задумываться о причинах произошедшей беды.

Искать виноватых.

Рома не винил меня, не говорил вслух, даже не вспоминал об этом происшествии, но взгляд....

Я четко вижу там блеск промелькнувших кадров, приведших к такому повороту событий. И причина этому – я.

Хватит думать о прошлом. В настоящем тоже достаточно проблем.

Я уже натягивала пуховик, стоя в таком же светлом, как и вся квартира коридоре, когда Рома только вышел из душа в одном полотенце.

Со светлых волос по телу стекали крупные капли воды, и я буквально ощущала их вкус на своем языке, настолько сильно желала их слизать.

– Шустрая какая, – улыбнулся он и стал приближаться, в итоге башней нависнув надо мной. Мне бы сейчас пуанты, только в них я бы не задирала голову, когда он стоял так близко. Невыносимо близко. Запах его лосьона пробирался под кожу, а властный взгляд серых глаз проникал в самую душу.

Обнажая. Разрушая.

– Погоди, такси вызову.

– Я сама, – старание сделать улыбку беспечной было бесполезным. Ком в горле был слишком ощутимым. – Тут же недалеко.

Это было правдой. Метро в считанные минуты могло довезти жителя Москвы в любую точку.

– Я знаю, что ты самостоятельная, вот только голова дурная, – я свела брови, ожидая продолжения, и тут же поняла, о чем он. Поэтому резко накинула капюшон.

– Тебе мало недавнего воспаления легких, решила познакомиться с менингитом? – сказал он, постучав пальцем мне по лбу. – Где шапка?

– У меня капюшон, – отмахнулась я.

Ком в горле стал больше, а в глазах защипало. Это его забота сейчас казалась такой наигранной в свете того, что меня выставляли из дома на ночь глядя.

Рома был слишком занят работой, своими мыслями и никогда не пускал в свой мир.

Никого.

Приятель, какой-то родственник в Питере и туча благодарных, но безликих пациентов. Он даже показываться со мной нигде не хотел.

Вот, птичка, кровать, там твое место, а еще на барной стойке, в кухне или на стиральной машинке.

Раздвинь ноги пошире и прими в себя зачехленный член.

Рома, конечно, распознал причину натянутой улыбки, и прежде, чем я успела открыть двери, задержал меня, коснувшись плеча.

– Аня.

– Рома, – голос дрожал, как и губы, на которые он взглянул, после того, как развернул меня к себе.

– Если тебе тяжело принять....

Мгновенное осознание возможной потери. Нет. Нет.

Я вцепилась в его шею, практически запрыгнув, и помогала головой. Я не могла его потерять. Не так. Не сейчас. Я еще не насладились. Я еще не готова расстаться с этим блаженством, в которое ныряла вместе с ним. Пусть будет больно. Плевать. Главное с ним.

– Нет, нет, нет. Я так глупа. Я принимаю и понимаю. Ты работаешь. Ты любишь свое дело. Я буду с тобой... – лепетала я, осыпая его свежевыбритое лицо поцелуями.

Он долго всматривался в мои глаза, проникал, захватывал в плен, словно старался рассмотреть каждую мысль, промелькнувшую в моей голове.

Затем удовлетворенно кивнул и прижал к себе сильнее. Я

с восторгом ощутила, что его член стал твердым. Руки немели от желания прикоснуться к этой, будто обтянутой шелком, стали.

– Знаешь, – вдруг сказал он после некоторой паузы, заполненной только настойчивым поцелуем. – Ты, пожалуй, права, мы засиделись дома.

Я восторженно замерла, широко открыв глаза и боясь спугнуть свое счастье.

Неужели он хочет сходить с тобой куда-нибудь, неужели он готов приблизить тебя к себе еще на пару шагов. Это страшно, Аня.

Очень страшно. Потому что не знаешь, что повлияло на это решение.

– В эту пятницу у Димы юбилей, так что он собирает кое-кого.

Я не смогла сдержать игривой улыбки.

Я немного знала о его приятеле, видела пару раз, пару раз слышала от Ромы не совсем лестные комплименты. Зато я знала, что врачи чаще всего общаются с врачами из-за некоторой специфики профессии.

Не каждый может понять их черный, немного жестокий юмор. Чего только стоит замечание Ромы про катафалк, который я могу сама себе заказывать. Так он пошутил в нашу первую встречу, когда я отказывалась лечь на аппендэктомию.

– Психиатры напололам с патологоанатомами? – поинте-

ресовалась я. – Шутки о безумцах и их возможных, случайных смертях?

Рома засмеялся, откинув голову назад.

– Да, Птичка, ты все понимаешь.

Я растянула губы в самой искренней из улыбок. Тьма отступала. Его смех был лучшей наградой за остроумие. Его смех мог побороть тьму отчаяния. Наверное, потому что был столь же редким, как отсутствие пробок на дорогах столицы.

– А я впишусь? – все-таки осторожно уточнила я.

Лицо Ромы вмиг потемнело, а глаза приобрели тот замечательный оттенок начищенной хирургической стали. Так выражалось его желание, порой накрывавшее за считанные секунды.

Он задрал мой голубой пуховик и сжал задницу руками, а губами коснулся лба, очевидно, с трудом сдерживая желания впитаться в губы.

– Хочется поиметь тебя за такую ерунду, но нужно иметь и совесть. Ты, Птичка, как произведение искусства. Будешь смотреться ох*ренно даже в операционной.

Я опустила глаза, смущаясь от такого чудесного комплимента, которые Рома бросал так редко и так к месту.

– Ну что, может все-таки вызовем такси? Нечего тебе по такой погоде пешком шляться.

– Конечно, – не стала я больше спорить и, прижавшись к двери, наблюдала, как он, прихрамывая, идет к телефону и открывает приложение «Яндекс такси». Довольно удобное.

– Через четыре минуты, красный ситроен три пять три, – раздался его голос, пока я ждала, прикрыв глаза. Они уже слипались.

Репетиция была не из легких, да и Рома нежностью не отличался. Сколько давал, столько и требовал.

– Спасибо. Я побегу тогда.

– Беги, – кивнул он, уже набирая чей-то номер, и доставая серые боксеры из светлого комода. – Я с утра в пятницу позвоню, – услышала я уже через дверь, прежде чем её захлопнуть.

Я спускалась по лестнице бегом, словно за мной мчалась свора собак, но ведь так и было. Их клыки терзали тело, когда я была рядом со Ромой, и шанса на спасение не было.

Только я могла вытащить себя из этой передраги. Проблема в том, что я не хотела спастись. Не хотела жить без этих укусов, сносящих крышу, вдохновляющих и повергающих душу в ад.

Мой личный цербер, мой личный проводник в преисподнюю.

Мой сладкий Рома.

Сев в такси, я заметила, как Рома провожает меня взглядом, и это принесло новую порцию внутреннего восторга.

Он ведь заботливый, хоть и хочет показаться гадом. А как он ухаживал, когда я после аварии воспаление подхватила. Палату отдельную выделил, телефон купил, маму в любое время пропускал, а вот заведующую, напротив, выпроводил.

Я расслабленно откинулась на спинку сидения, проигнорировав заинтересованный взгляд водителя такси, явно не имеющего русского гражданства. Хотя, мне ли судить.

Не успела я смежить веки, как услышала привычный звук входящего сообщения.

Не от Ромы.

«Как потрахалась?».

Глава 2. Рома

Несмотря на то, что люди спешили с работы домой, город не готовился к отдыху и сну. Транспортные службы работали на полную катушку, вычищая улицы от налипшего снега, посыпая скользкие дорожки песком и настраивая сломанные светофоры.

Город напоминал человеческое тело, в котором, как по венам, текли микроорганизмы, микробы и вирусы. Каждый имел значение, но лишившись одного, организм ничего не почувствует. Совершенно.

Так и в город, даже если лишится одной инстанции, сначала и не заметит, но последствия могут быть катастрофическими. Люди же в этой схеме были скорее вирусами. Вроде бы и плохо, но совместно они создавали телу иммунитет. Один же ничего не решал по сути.

Я не хотел быть вирусом, я всегда хотел что-то значить. Может быть, даже войти в историю. Хотя же и сейчас я имел

почти все, о чем мечтал. Собственное любимое дело, классная тачка, уважение, которого так долго добивался, и Анька.

Маленькая, невинная, такая податливая Аня Сеницына. Птичка, которую я посадил в клетку из собственных рук. Клетка была открыта, вот только она не хотела улетать.

Я медленно ехал по Ленина, осторожно вписываясь в повороты, сдерживая раздражение, если видел очередного идиота на дороге, не включившего вовремя поворотник или зазевавшегося на светофоре. И сколько бы я не думал о предстоящих исследованиях искусственных органов или операции, которая без меня не начнется, мысли против воли постоянно стекали не в ту вену.

Аня. Аня. Анька. Птичка. Она была в мозгах постоянно. Занозой сидела, вызывая болезненные нарывы. Это отвлекало, мешало, это было не вовремя.

Мстительная Марина уже дышала в спину и ждала промаха Акелы. Её власть в больнице была неоспорима, и по идее, она могла свернуть все, к чему я так долго шел, к херам отменить постройку лаборатории, надавить на мужа и весь совет директоров.

Но не делала этого. Пока. Она просто кружила надо мной, как ворона над кладбищем, приготовив гроб из собственной вагины, и наручников, которые так любила когда-то на меня цеплять.

Я свернул, наконец, на стоянку первой городской больницы, увидел выходящего из своего «пежо» Новикова. Все-та-

ки французы отличные тачки ваяют. Не зря я сам уже много лет гоняю на «ситроене». Марки разные, а внутренности как у близнецов.

Новиков Дима махнул рукой и направился к багажнику. Любопытно. Отличный, кстати, приятель, не слишком назойливый. Правда, шутки плоские. Но в толпе врачей такие заходят на ура.

Психиатр по профессии и призванию вытащил из машины огромную картонную коробку с куклами, как я понял, по торчащим искусственным волосам.

– Друг, твои игры с резиновой Зиной лучше было оставить в тайне, – усмехнулся я, поздоровавшись за руку, которую он протянул, другой перехватывая короб.

– Ха-ха, – передразнил он и провел рукой по своим темным волосам, убирая их с лица. – Это, между прочим, для пациентов.

Кто же знал, что недавно назначенный глава отделения так заботится о подопечных.

– С какой свалки ты их приволок? – спросил я, взяв одну куклу в руку, темноволосую с фарфоровым лицом и стеклянными голубыми глазами. Хрень собачья! Даже здесь уже Анька видится. Ну, ведь точно, как она, даже вот балетная пачка.

Я резко убрал игрушку в коробку, словно боясь обжечь кожу или душу, если она имелась у хирургов. В чем я порой сомневался. Не каждый способен просто взять скальпель и

разрезать кожу, не каждый был способен по несколько часов хладнокровно рисковать чужой жизнью. Я мог.

Димон помолчал немного, вызвал тем самым еще большее недоумение. Он обычно триндит похлеще бабы. Анька вон и та молчит больше, наверное, глупой показаться боится.

Дима что-то тихо буркнул, и я различил фразу скорее по губам, чем расслышал.

– Мама с чердака достала.

Я уже открыл было рот, чтобы напомнить, что вообще-то в семье Новиковых один ребенок. И, если я помню последний поход в сауну, Дима-то как раз мальчик. Мужиком язык бы не повернулся его назвать. Впрочем, не член делает мужчину мужчиной.

Взглянув в его побледневшее лицо, я смолчал. Дерьмо.

Не дебил, все понял.

Все наши страхи, мечты, комплексы – все идет из детства. Часто болезненного и несчастливого. Каждый человек чем-то искалечен в душе: родителями или обстоятельствами, которые родители создавали. Но только выросшему ребенку потом решать, кем стать – маньяком, насилующим жертв в подворотнях или психиатром, копающимся, как в чужих головах, так и разбирающимся в своей.

Я, например, в детстве коллекционировал камни, вытачивал их до остроты лезвия и искал собак, чтобы посмотреть, что же у них внутри. Наверное, не стоит упоминать, что конечной целью были дразнившие меня уроды во дворе. Фа-

миллия им, видите ли, моя не нравилась.

Сладенькие Тамара и Алексей – родители – быстро заметили психическое отклонение и сдали меня как раз одному такому веселому мозгоправу.

Я прекратил охоту, направив желание все знать в медицинское, вполне безопасное русло, но любовь и доверие родителей так не вернул.

Они просто на просто боялись, что однажды я вспорю брюхо им. Отец со временем принял меня, а вот мать. Всех благ ей, в общем.

– Даже не пошутишь? – резко повернул ко мне голову Новиков, пока мы ждали лифт.

– Не понимаю, о чем ты, – пожал я плечами. – Ну, достала твоя мать куклы твоей троюродной сестры когда-то у вас гостившей. Что такого?

Димон долго не отрывал от меня взгляда, пока двери лифта не открылись, и мы не вошли в кабину.

– Спасибо, – улыбка коснулась его округлого лица.

– Ерунда. Мы все покалечены родителями.

– Кстати, о родителях, – улыбка приятеля превратилась в оскал, и я знал, что он скажет. Рука в кулак сжалась неосознанно.

– Как там твой, – он сделал многозначительную паузу и приподнял бровь, – малыш.

Я не стал спрашивать, как он связал одно с другим, а просто резко прижал его к металлической стенке и взял за груд-

ки.

– Она мне не дочь.

– И что, даже папочкой не называет? – совсем потерял страх, не иначе.

Очевидно, он считал эту шутку забавной, правда, когда голова столкнулась с твердой поверхностью лифта, глумливая харя стала извиняющейся.

– Не называет, – зашипел я и, рубанув по кнопкам лифта, сделал шаг на выход, пока этот идиот стонал и сползал на пол.

Я тяжело взглянул на медсестер, с любопытными улыбочками наблюдавших за нашей короткой перепалкой. Они, конечно, подобралась, увели взгляд, но я-то понимал, что уже спустя полчаса вся больница будет гудеть пчелиным роем. Обсуждать причины ссоры. А кто-то, наверняка, ухмыльнется, и не прерывая работы пошутит: «Милые бранятся, только тешатся».

– Ладно. Ладно! Погорячился, – крикнул вдогонку охамевший Новиков, тяжело поднимаясь. – В пятницу-то придешь?

Я остановился, и напряг челюсти, сдерживая желание послать приятеля в задницу.

– Придем, – проворчал я через плечо, и направился к ординаторской, на ходу кивая знакомым.

Ночь прошла быстро. Одна пересадка, занявшая почти три часа, девочка с отрезанным пальцем и алкаш с желту-

хой. Последний уже не жилец, но тем не менее его подлатают и снова выпустят в большой мир. Доживать последние дни возле мусорного бака.

Лицемерие врачей? Недосмотр государства? Плевать. Главное работа выполнена, пациент жив, а как только его увозят из больницы, моя ответственность заканчивается.

Гораздо позже, под утро, когда первые лучи солнца коснулись здания больницы и конкретно окна, на котором я и засел, мне на телефон пришло очередное сообщение. Я был еще в хирургической форме и по окончании операции все-таки спросил у Ани, как она добралась, хотя лишь взглядом проводил с балкона такси, унесшее ее домой.

Все-таки гололед, а она вышла в ночь. Анька написала, что с добралась с ветерком и в ответ поинтересовалась, как прошла операция.

«Нормально».

Все. Больше писать нам было нечего. Я долго думал, что еще сказать. Я вообще дико не любил безличное общение. Правда, иногда мне приходила в голову мысль таким образом порвать отношения, узел которых требовалось развязать уже давно.

Его вообще не стоило завязывать.

Димон прав.

Разница в возрасте была велика, это сопрягалось проблемами интересов.

Должно было, но нет.

И все же Аня была юной, наивной, а я циничным и уже за тридцать. Но даже не это было проблемой. Аня влюбилась, я видел это в ее больших глазах, в каждом движении, в каждом «Конечно, приеду», после которого она мчалась ко мне в любое время дня и ночи, отрицая собственную гордость и принципы.

Я не хотел причинять ей боль, но в данном случае анестезиолог не появится и не введет вещество, уносящее в мир грез и беспамятства. Нам придется расстаться, чтобы она нашла себе подходящего по возрасту и интересам парня, а я, наконец, перестал заниматься этой бабской хреню и сосредоточился на исследованиях и будущих испытаниях.

Только вот, бросить малышку пока не представлялось возможным. Её послушание, восхищение, готовность в любой момент сесть на мой член в шпагате, все это было охренеть, как круто. И избавляться пока от этого кайфа не хотелось.

«В чем ты?».

Набрал я сообщение, и ударился об стекло затылком с мыслью: «Дебил», и тут же вернул взгляд в экран смартфона. Что ответит?

«Могла бы быть обнаженной, а так, в той самой пижаме».

Я улыбнулся. Та самая пижама. Я снимал и надевал на Аню эту вещь несколько раз, прежде чем снять окончательно и превратить милую девочку в свою птичку, жаждущую грубых ласк.

«Покажи».

Фотография пришла не сразу, словно Анька обдумывала демонстрировать ли мне тело. Как будто я уже не знаю его вдоль и поперек. Да, черт возьми, я даже был внутри, лишил ее ненужного аппендикса.

Телефон завибрировал. Мне хотелось взвыть и сорваться с места, когда я увидел силуэт небольшого полушария в вырезе серой пижамки.

«Еще».

Пальчики подтягивают ткань и видно животик.

«Еще».

Упругая попка появляется в кадре.

Еще. Еще. Еще.

Мне хотелось больше. Еще больше. Хотелось увидеть все ее тело, вживую наблюдать, как медленно она раздвигает свои ножки. Невообразимо широко. Открывая вид на такую нежную, розовую плоть, запах которой просто сводил с ума.

Я взглянул вниз. Дерьмо. Форменные штаны чётко обрисовали силуэт распирающего их члена.

«Я хочу тебя».

Как будто могло быть иначе при мыслях об этой гибкой девчонке. Но утро было близко, а значит ей вскоре идти на занятия в универ. Ими она не пренебрегает даже ради меня.

Получив еще одну фотографию, где ясно обозначился влажный, острый сосок, я не выдержал.

Еще немного. Ты обязательно сможешь закончить эти отношения и завтра, или в субботу после дня рождения Нови-

кова, или после нового года.

У меня давно бродила мысль показать Ане рождественский Лондон, сияющий красками и традиционной католической атмосферой праздника.

«Я пока свободен. Могу отвезти тебя на учебу».

Телефон замер, как и сердце. В голове стучала кровь, ожидание было мучительным. Одно ее слово, и я сорвусь, чтобы распластать её крепкий зад по кожаному сидению тачки.

Новой, старая так и осталась в истории, подшитой к делу о сентябрьской аварии.

«Просто отвезти?».

«Не просто».

Я ответил сразу и спрыгнул с подоконника, как юнец, готовившийся к свиданию. Я отлично знал, что она ответит, потому что иначе быть и не могло. Она влюблялась. Уже влюбилась. А я эгоистично наслаждался ее восхищением, невинностью и податливостью. Мне, черт возьми, нравилась некая зависимость, которую она от меня все больше приобретала.

Вот только ты, Сладенький, забываешь, что и сам нехило так подсел на все это. И на невинность, и на готовность отдаться в любое время дня и ночи, и на глаза.

Огромные, синие глаза. В них горел огонь, сравнимый лишь с пожаром в твоём сердце. Она была из тех, кто жаждал жизни, хотел брать от нее все. И не меньше отдавать взамен.

«Да».

Я прикрыл глаза от предвкушения и помчался переодеваться.

Машина стояла под окнами пятиэтажного кирпичного дома советской постройки с приличным двориком и аллеей, из голых, заснеженных тополей.

Мой ситроен был единственной тачкой, не припорошенной снегом и казался чужим в этом уютном дворике. Это подтверждали и любопытные носы, вытянутые сквозь приоткрытые шторы в нескольких окнах. Свет горел почти везде.

Утро начиналось и скоро Москва снова позовет в этот странный и дикий мир, в котором успеха добиваются лишь сильные и трудолюбивые. Либо те, кому очень повезло.

Я, к моему сожалению, не родился в рубашке. Мне никто не проплачивал бюджетное место, да и в больнице я начал с самых низов. Еще до того, как бразды правления взяла Марина, скинув отличного руководителя с помощью своего похотливого рта и богатого мужа.

Вот она уж точно была везучей сучкой в отличие от тех, кто уже в шесть утра выходил из подъездов, с подозрением поглядывая на мою машину.

Люди косились недолго, собственная жизнь занимала их гораздо больше. Уже через пару секунд они теряли интерес ко мне и выходили из арки. Только пара одинаковых парней долго еще оглядывались на авто, словно пара не очень опытных шпионов.

Я ощутил некий дискомфорт от того, что приехал за Аней

сам. Это было странно, учитывая, что я уже долго думаю, как искоренить эту такую пиздатую, но вредную привычку.

Из того же подъезда, что и близнецы, наконец, выскочила Анька в своем обычном голубом пуховичке, вот только вместо привычных джинс, на стройных ножках к моему удовольствию колыхалась юбка.

К твоему или члена, который стоит, как солдат на параде?

Мир вокруг как-то разом окрасился сумеречными красками, на фоне которых выделялась Анька, как яркое пятнышко, особенно ее улыбка на пухлых, таких манящих губках. Я завелся быстрее, чем завел двигатель. Времени терять не стоило.

Порой страсть требует стремительных решений, иначе в последствии сожаление и неудовлетворенность сожрут тебя. Особенно это играло свою роль, когда ежедневно сталкиваешься с жизнью и смертью.

Я наклонился к пассажирской двери и открыл ее раньше, чем ручки коснулась Аня. Эти несколько мгновений я любовался тем, как ветер колышет ее темные волосы, как снежинки, подобно бриллиантам, ложатся на капюшон.

Она ведь достойна драгоценностей. Скоро, очень скоро мужчины будут осыпать ее ими, и от этого болезненно сжималось горло. Может быть, поэтому мне хотелось стать первым во всем, даже в том, кто подарит ей первый дорогуший камушек.

Не успела закрыться за Аней дверь, я рванул с места и

развернулся, но тут же затормозил.

– Пристегнись, – бросил на нее взгляд, стараясь игнорировать желание сжать вместо рычага переключения передач круглую коленку.

– И тебе привет, – улыбнулась она и сделала, как я сказал.

Совместные поездки сопровождались ощутимым дискомфортом, который мешал наслаждаться обществом девушки. Ни поговорить, ни подомогаться, ни пофлиртовать. Судя по тому, как напряженно Аня всматривалась в лобовуху, я был не одинок в своих ощущениях.

Конечно, это все не могло не навеять воспоминаний об аварии, из-за которой я теперь сильно напоминал доктора Хауса из зарубежного сериала. Тоже хромой, тоже злой и циничный. Разве что не наркоман. Хотя...

Я бросил взгляд на Аню.

Мда... Кажется, сходства больше, чем я думал. Жажда трахнуться стала уже болезненной, и «викодин» от этого был только один. Узкое, влажное, горячее влагалище, что таилось между этих, тесно сведенных, измученных балетом ног.

Москва большой город, чем-то напоминающий лабиринт со своими потайными закоулками и ходами. Знающий и без машины всегда найдет, где предаться плотской любви, но я не стал уподобляться большинству.

Я заехал на одну из многочисленных платных стоянок в десяти минутах езды от университета Ани. Или Академии? Мне, честно, было все равно.

Плевать, где она училась, плевать, кто были ее родители, друзья. Зато не плевать на ее здоровье, от которого напрямую зависело мое удовольствие.

Не плевать на то, как она сама подрагивает от предвкушения скорой расправы над своей скромностью.

Молчание затягивалось, хотя и не давило на мозги, лишь сгущало воздух в преддверии кайфа. Именно его я ловил от секса с Аней, именно без него порой начиналась ломка.

Может быть стоит забить на ее чувства, раз уж она в них и так погрязла и звать ее к себе чаще, а не драть с закрытыми глазами под «Танго» Дженкинса, представляя, как Аня кружится голая в одних пуантах.

Отличная фантазия. Давно пора ее воплотить, а пока...

– Ты взяла еще одни колготки? – строго поинтересовался я, уже заплатив за стоянку и выруливая на третий пустой этаж.

Она удивленно на меня посмотрела, приподняв брови.

– Зачем?

– Эти я вряд ли сумею снять аккуратно.

– Забыл скальпель? – усмехнулась она, и немного подумав, положила руку на мое, обтянутое джинсой, бедро. Очень близко от опасной зоны.

– Мой скальпель всегда со мной, и сегодня требует полировки, – поиграл я бровями.

Аня рассмеялась, мило, звучно, открывая ровный ряд жемчужнобелых зубов. Я не смог не улыбнуться. Этот звук

был восхитительным, и что плохо, очень редким.

— Ну, так значит, сегодня я буду твоей личной медсестрой? — игриво улыбнулась она и коснулась указательным пальчиком бугра в штанах.

Я покачал головой, наконец, найдя место для парковки и останавливаясь.

— Нет, Аня, — повернулся я, протянул руку, коснулся большим пальцем пухлых губ. — Медсестер я не трахаю, а тебя буду. Прямо сейчас.

Вкрадчивость моего голоса и напряженный взгляд дали Ане понять, что шутки закончились.

Она перестала улыбаться резко, как будто внутри нее переключился свет. С яркого, дневного, на приглушенный, интимный.

Она стала дышать чаще. С первого взгляда это могло бы походить на тахикардию, если бы я не знал причину подобного состояния. Волнение, предвкушение. Аня облизала губы и сильнее свела бедра, не отводя от меня влажного взгляда.

Умница. Какая же она все-таки умница. Все понимает. Все принимает. Не ноет, что мы редко видимся, хотя за время знакомства наши встречи вне больницы можно было пересчитать по пальцам.

Не лепечет всякую романтическую бредятину и не ждет этого от меня. Ждет, конечно, но не требует. Идеальный вариант, если бы не то, что я сам, кажется, залип на ней. Это

напрягало. Сильно. До злости.

Нет в ней ничего такого! Ведь, нет?

Ну да, давай, Рома, ври сам себе. Где ты еще одну такую сыщешь? В морге?

Молчание затягивалось, а рука Ани, только что поглаживающая бугор, застыла. Задрожала.

Этот момент напоминал предгрозовое летнее время, когда воздух становится душным, запахи слышатся отчетливее, а голова болит в ожидании того, что небеса разверзнутся и осветятся яркой вспышкой молнии.

Вот и взгляд Ани, как молния. Если насквозь, то и на смерть.

Когда я с ней, когда вот смотрю в её глаза, все остальное становится неважным, особенно мысли о разрыве. Как можно отказать себе в удовольствии разглядывать ее нежное лицо со сливочного цвета кожей, касание к которой вызывает толпы мурашек по спине.

Я обхватил щеку рукой, словно убаюкивая в колыбели, и Аня судорожно вздохнув, прикрыла глаза.

Так нельзя. Эти чувства настолько ненастоящие, что начинают казаться если не сном, то эффектом галоперидола.

– Ром... Не тяни, я уже на грани.

– Знаю, – я и сам уже за гранью.

Она открыла глаза, и больше ничего не осталось. Мир сузился до размеров салона машины.

– Рома, времени мало, мне к восьми, – тихо напомнила

Аня, и я услышал «Давай скорее, я не могу больше ждать».

– Попроси, – предложил я, терзая как её, так и себя. Но я хотел услышать, что она здесь добровольно. Я желал знать, что она не считает себя привязанной. Она должна сама, добровольно быть со мной.

– Рома, – зазвенел ее голос, а в глазах полыхнул огонек гнева. – Ну, сколько можно, я сейчас начну думать, что не нравлюсь тебе.

Я продолжал ласкать её лицо рукой, постоянно задевая кожу на шее и на маленьком розовом ушке. Она вздрогнула и теснее свела бедра, между которыми наверняка уже проплыл Ной на своем ковчеге.

– Попроси, Птичка, и я покажу, как ты нравишься мне.

– Как? – хрипло спросила она на грани шепота.

– Возьми в рот.

Она широко распахнула глаза и задышала еще чаще, если это возможно, и невольно сжала член, на котором покоилась её рука.

– Я не умею.

Улыбка скользнула по моим губам. Как же мне нравилось эта её неопытность, как же нравилось её учить.

– Я уверен, у тебя получится, – наклонился я к малышке и поцеловал, одной рукой спускаясь от лица и расстегивая пуховичок, а другой свой ремень и ширинку.

Она простонала мне в рот, когда в ее руку легла крупная головка члена, а в мою её грудь.

Аня сама прекратила поцелуй, и выдохнула:

– Что делать?

Бесхитростность вопроса просто снесла мне крышу. Я сжал грудь сильнее, и вновь взял в плен её губы и язык, точно так же, как желал оказаться в плену ее рта.

– Держи зубки за губами и...соси.

Аня – умница, быстро все поняла и кивнула, прикусив нижнюю губку от возбуждения.

Её рука сжала основание члена и стала водить по нему рукой. Сначала медленно, потом все быстрее.

– Ртом, Аня, – сдавленно пробормотал я. Жар внизу живота становился невыносимым, а вчерашний секс не мог утолить голод, вызванный недельным воздержанием.

Да, ее руки были приятными и нежными, но со шелковой глубиной рта не сравнится ничего.

Меня пробрало до самого сердца, когда ее язык коснулся головки, слизнул прозрачную капельку. Я не смог сдержать стона и знал, что ей нравится его слышать.

Я слишком привык быть сдержанным. Но разве можно терпеть, когда влажные губки обхватывают член и скользят по нему. Так медленно, так невыносимо медленно.

– Быстрее, – потребовал я, но плутовка не послушалась, продолжая ласкать нежную кожу члена языком, то полностью вбирая глубоко в рот, то полностью выпуская.

– Издеваешься? – поинтересовался я, заставив её посмотреть на себя.

– Тебе можно, а мне нельзя? – глаза горели неистовым возбуждением.

Я прижался к влажным губам своими и прорычал в них:
– Сейчас тебе можно все.

И пока мой язык активно шарил в жарком рту, руки уже сами подтягивали напряженное тело на себя, одновременно разрывая такой раздражающий капрон.

Аня уже горела в моих руках. Целуя щеки, губы, шею, она терлась об меня, широко, так охренительно широко раздвинув ноги, и стягивала с меня дубленку. Я повел плечами, помогая ей, уже откидывая ее верхнюю одежду на заднее сидение. Моя отправилась следом.

Тяжелое, горячее дыхание смешивалось, сердца бились в унисон. Больше не было недомолвок, сомнений, обид. Была только дикая, порочная, неприкрытая ничем похоть.

В такой тесноте снимать нижнее белье было крайне неудобно. Я, ловко перебравшись с Аней на руках на пассажирское сидение, нетерпеливо отодвинул интимную полоску ткани в сторону. Немедля, я коснулся головкой члена истекающего влагой входа. В рай. Или нет. Мой личный ад.

Она резко выдохнула и вцепилась ногтями мне в шею, обостря чувства, когда я одним резким движением погрузился в горячее, влажное, до помрачения рассудка узкое пространство.

В голове толчками стучала кровь, и я шепнул ей в шею:
– Ох, Аня. Ох*еть.

– О, Рома. Да, – пискнула она мне в плечо, а я сжал её бедра руками, уже прекрасная зная, как легко остаются там отметины. Мои отметины.

Последний решающий поцелуй и желание не оставило больше ничего, кроме резких движений и острого чувства нехватки воздуха.

Я натурально задышался от того, насколько естественным казался этот процесс, насколько сильно он захватывал сознание, не оставляя ничего кроме этого движения. Вглубь и назад. И снова. И еще.

– Еще! – ласкала она мою шею губами, то прикусывая, то поглаживая.

– Еще! – рычал я, откровенно насаживая на себя это идеальное тело.

Мало. Мало. Мало. Мне всегда мало. Хочется больше, сильнее, откровеннее, хочется её всю. Себе. Навсегда.

Я откинул Аню на панель, придерживая за голову и приподнимаясь, чтобы не дай бог член не выскользнул. Задрать ее свитер вместе с бельем казалось жизненно необходимым, касаться губами острых сосков самым прекрасным.

Не кончить невозможным. Но я сдерживался.

Я слишком люблю наблюдать, как бьется в экстазе она.

– Я, – толчок. – Люблю, – толчок. – Тебя, – простонала Аня, снова и снова, руками держась за мою шею, словно боялась упасть от такой бешеной скачки.

Ноги уже затекли, но я продолжал толкаться внутрь и про-

сто наслаждаться вкусом ее кожи на груди.

Я мог бы мог прочитать лекцию на тему наивности и того, что можно говорить во время секса, а что нельзя, но меня уже накрыл эфирмерно-эротический дурман.

И вот оно

Стоило мне ускориться, откровенно втрахивая Аню в пластик панели, как она закричала и стала сотрясаться в оргазме.

Я последовал за ней, чувствуя, что кончу через мгновение. Еще пара толчков ничем не прикрытого члена в пульсирующую девичью плоть и меня накрыло осознание ошибки.

Я резко вытащил, успевая буквально за долю секунду до трагедии излиться на пол, но пара капель все равно попали на покрасневшие от трения половые губы Ани.

– Бл*ть! – вырвалось у меня, и я резко откинул девчонку на свое сидение. Она широко открыла глаза и вскрикнула от удара плечом.

Грубо. Некрасиво. Но меня пронзил страх возможной ошибки, я достал из бардачка салфетки. Пачку кинул Ане, вторую вскрыл и стал обтирать член.

Пачка острым углом вдруг врезалась мне в висок.

– Еб*нулась?

Она промолчала, поджимая губы, смотря на меня обиженно и зло.

И я отвечал тем же, словно она была виновата в том, что я первый раз в жизни не воспользовался презервативом.

Я всегда думал, что знаю, как обижается Аня. Очевидно, моя грубость стала крайней точкой.

— Ну что ты так смотришь? Решила родить в восемнадцать лет?

Аня промолчала, и, вздернув подбородок, повернулась спиной и выскочила из машины.

— Дверь не вырви, одну машину уже разбили по твоей милости! — ляпнул я и резко замолчал. Идиот.

Она прищурилась, показала неприличный знак и со всей дури хлопнула дверью.

— Больная, — пробормотал я в трясущейся от удара машине, запихивая так и не опавший член в боксеры. Я уже пересел на свое место и завел двигатель. Аня так и не появилась.

— Вот только не надо снова, — рывкнул я и вылез из машины. Она шла вдоль столбов уже одетая в джинсы, но без пуховика и своей сумки.

Вот ты debil, Сладенький. Непроходимый идиот. Сам не подумал, а на девчонку наорал.

Я не стал кричать ей вслед, а просто сел в машину и подъехал прямо к ней, открыв на ходу дверь.

— Не дури, Птичка, я виноват, — покаялся же еще. — Погорячился.

— Отстань. Я сама доеду, — буркнула она, но остановилась и обняла себя руками.

— Тогда я просто запихну тебя в машину и отвезу к себе. Прогуляешь раз в жизни занятия. Согласна?

Это подействовало. Прогуливать она не собиралась. Опустила руки, и с тяжелым вздохом забралась в машину.

Прошло, наверное, минут десять тягостного молчания. Я уже успел покружиться по стоянке и найти выезд.

– Если ты хочешь все закончить, то надо просто об этом сказать, а не рвать мне душу, – заговорила она.

– Рвешь душу ты себе сама, – уточнил я, лавируя по дороге. – Нечего было влюбляться. Я предупреждал, – взглянув в покрасневшее от стыда лицо.

– Значит, ты слышал.

– Лучше бы не слышал, да и без слов было понятно. И я не собирался рвать с тобой.

– Врешь, – отрезала она, сверкнув глазами.

– Да.

После моего ответа воцарилось молчание, нарушаемое лишь приятным стуком колес по асфальту и урчанием двигателя.

Я смотрел на пробегающие мимо машины, они как снежинки разные, непостижимые идвигающиеся по четко заданному направлению. Вот и Аня. Непостижимая. Прекрасная. Талантливая. И кроме красоты и умений танцевать, у нее был еще один удивительный талант.

Распознавать ложь. По жестам, по мимике лица, по движениям тела. Особенность танцоров. Несколько, надо сказать, раздражающая.

– Я был груб.

– Это не извинение, это констатация факта.

– Верно. Прости, – не стал я спорить. – А еще факт в том, что ребенок ни тебе, ни мне не нужен. И факт, что я забыл о защите впервые в жизни. Из-за тебя.

– Я приму это, как комплимент, – ухмыльнулась она, отворачиваясь.

– Это не комплимент, черт тебя дери, это тоже долбанный факт, – взревел я, чувствуя обжигающую злость. Из-за этой маленькой сучки.

– Не ори, пожалуйста, мы в машине, – попросила она так тихо и испуганно, что меня сразу отпустило. Особенно, когда я понял, что превысил допустимую отметку скорости.

– Значит, ты все-таки винишь меня, – вдруг сказала она, и я чертыхнулся, увидев слезы. О, это страшное женское оружие. Страшное потому что Аня никогда им не пользовалась, а значит, плакала по-настоящему.

– Аня. Никогда ничего нельзя знать наперед, понимаешь. Но нужно предотвращать неприятности заранее. Хотя бы стараться, – попытался я втолковать ей истину жизни, останавливаясь у старинного здания с колоннами и высокой лестницей, где и располагалось учебное заведение, выпускающее танцоров.

– Ребенок не может быть неприятностью, – изрекла Аня, и я тяжело вздохнул. Сама же все понимает и все равно спорит. Самой ведь не нужен сейчас ребенок, ей нужна карьера. Но эта влюбленность в меня похоже вскрыла в ней, таящиеся в

почти каждой женщине, материнские инстинкты.

– Поверь мне, Анечка, я буду не самым лучшим отцом, – попытался я свести все в шутку.

– Да ты и мужчина не очень, – сказала она, показав пальчиками размер чего-то.

Это было неожиданно, настолько, что я зло вскинулся и попытался схватить её, но она выскочила из машины и резко взобралась по лестнице вверх.

И я хотел побежать за ней и доказать снова, как она не права насчет моего размера, но тут звякнул телефон.

– Кого еще нелегкая принесла?

Звонил лаборант, который отвечал за оборудование. Что-то сломалось и я, забыв обо всем, завел двигатель. Выжав сцепление, я включил первую передачу и развернулся.

Уже выруливая на дорогу, я заметил стоящего у колонны щегольского вида кудрявого парня, в объятия которого вплыла Аня.

Артур, сука, Веселов.

Глава 3. Аня

Потоки холодного ветра задували прямо под воротник зимней куртки, освежая разгоряченную страстью кожей. Страстью, которая закончилась так некрасиво и грубо.

Я ощущала острую обиду, разрывавшую мне сердце, застывшую не пролитыми слезами в глазах. Влюбилась. Да раз-

ве могло быть иначе?

Он же сам просто ворвался со своей язвительностью, покорил остроумием и страстностью к жизни и к своей работе, и уничтожил заботой.

И сколько бы он не строил из себя циничного урода, я-то знала, сколько в нем хорошего.

После аварии он буквально окружил меня вниманием, пусть даже в рамках больницы, и не смотря на больную ногу, из которой недавно вытащили осколок лобового стекла.

И вот сегодня, когда я уже начала забывать о его безразличии, о его цинизме, когда я уже растворялась в нем, кончая громко и невыносимо сладостно, он просто опустил меня лицом в грязь.

Спустил с небес на землю и унизил!

А я еще ведь в любви призналась. Дура!

Потому что вообще ничего не соображаю, пока его член во мне. Или пока его руки на мне, или пока его глаза так глубоко. В сердце. В душе. В мозгу.

Дура!

Именно это я думала про себя, рывками переодеваясь на первое занятие. Шумно, привлекая внимание.

На меня странно поглядывали девчонки, ведь обычно я веду себя тише скрипки и ниже оркестровой ямы.

Мне и не нужно что-то воображать. Для этого есть сцена, и там я горю.

Так же горю, как в руках Ромы. А он негодяй, еще и под-

ливаает горячего, заставляя мое сердце покрываться сажей, а то и вовсе превращаться в тлеющий уголек.

Беременности испугался. Как будто я не понимаю, что рано. Но само то, как он испугался ответственности!

Я кто же для него? Мимолетное увлечение? Увертюра, не дотягивающая до симфонии?

Поэтому я никогда и не стремилась влюбляться, потому что это больно. Больно, когда любишь, а тебе в ответ лишь подают крохи с хозяйского стола.

Надо закончить. Просто уйти от него, просто удалить номер, отослать телефон.

Но телефон удалить просто. А вот как выжечь его из мозга? Эти десять цифр, эти десять букв его привычных сообщений?!

Как выжечь любовь из сознания?

– Анька, ты там уснула? – прозвучал где-то над ухом низкий голос Артура.

Мы уже сидели в репетиционном зале, отпахав два часа на разминке.

Он улыбнулся, когда я подняла на него взгляд, и обнял за плечи, прижимая к себе. Как и всегда делал, окружая искренней заботой, вниманием, любовью.

А ты, дура! Любишь скота!

– Прости, задумалась.

– Верю, – хмыкнул он, стирая маленькую слезку, все-таки покотившуюся по щеке.

Он смотрел мягко, участливо, но в его янтарных, словно у тигра, глазах, не было сочувствия. Этого я не дождусь ни от кого. Оно мне и не нужно.

– Расскажешь?

– Ничего особенного, я опять выставила себя дурой.

Влюбленной дурой.

Артур на это не ответил, только нахмурился и прижал к себе крепче.

– Забей. Все это хрень собачья, – твердо высказался он и указал рукой на верх. – Вот, что для нас важно.

Я задрала голову и посмотрела на потолок. Там резвились нарисованные нимфы и сатиры вокруг прекрасной богини танцы – Терпсихоры.

Он склонился к моему уху, обдав его свежим, ментоловым дыханием и зашептал подобно искустителю:

– Любовь, секс, отношения. Забудь все это. Везде требуется притворяться, подстраиваться, ложиться под кого-то. Здесь же мы можем быть настоящими, здесь, Анют, ты можешь не скрывать своих чувств, боясь показаться дурочкой. Здесь тебя никто не унизит, потому что ты лучшая. Ты балерина.

И это действовало, мне становилось легче, спокойнее, несмотря на то, что рука Андрея, на моем колене явно была лишней.

– Здесь я могу страдать, не боясь осуждения.

– Да, детка.

Мы улыбнулись друг другу, словно зная какую-то тайну, непостижимую для смертных, правда руку я его все же убрала. Просто так. Не потому что мне было противно, а потому что Артур был скорее братом. Давать ему надежду на большее не стоило.

Когда заиграла музыка, все остальное стало неважным. Все потеряло смысл, кроме выверенных движений тела, взмахов рук и ударов в пол ног.

Ритм кружил, пьянил, возбуждал. А я старалась не думать о Роме, но и он был сродни балету для меня.

От него тоже кружилась голова и сбивалось дыхание. Оставалось надеяться, что влага между ног не из-за воспоминаний о его члене, а из-за того, как быстро заиграла музыка, какими четкими стали ударные, как резво я стала порхать по сцене.

К моему удовольствию репетировали страстную Кармен. Мой любимый спектакль.

Жесткий ритм ударных, словно хлыст, обжигал сердце, заставляя вновь и вновь возвращаться к мыслям о Роме. Он тоже был таким же разным, как музыка.

То нежным, то жёстким, то... пустым.

И сейчас, двигаясь в такт такой будоражащей сознание музыки, повторяя синхронные па вместе с двадцатью однокурсниками, я снова ощущала его в себе. Рому.

Словно он был рядом, со мной, и владел моим телом, а потом причинял боль всем своим существом.

– Достаточно! – прогремел голос Валентины Марковны, и музыка стихла.

Все студенты, как один, замерли на своих позициях. Чтобы мы отмерли и могли сойти со сцены, она властно взмахнула рукой, которую почти полностью закрывал рукав черной разлетайки.

В ней она еще больше напоминала сильно располневшего лебедя. Но, тем не менее, могла дать фору любому из присутствующих и не раз это демонстрировала, вызывая уважение и где-то даже благоговейный ужас.

Мы сходили в зрительный зал медленным ручейком, обсуждая последний спектакль, на который нас водили в эту субботу, когда взгляд куратора внезапно остановился на мне.

Я ощутила это кожей, перестала улыбаться Артуру и повернула голову.

Валентина Марковна подозвала меня к себе, и я вытекла из общего потока, но замерла на приличном расстоянии от грозной женщины.

Она взидала на меня с высоты своего немаленького роста, от чего поджилки неосознанно затрястись.

– Я сделала что-то не так? – сразу стала я оправдываться. – В пятом заходе плохо выполнила батман. И потом не вытянула ногу, когда прыгала...

Лепетать перестала в тот же миг, как на губах куратора мелькнула снисходительная улыбка.

– Ты, значит, помнишь все места, где ошиблась?

– Стараюсь, – плечами пожимать я не стала, просто кивнула.

Из-за сквозящей во всем виде суровости этой женщины, вообще хотелось замереть глыбой льда и не двигаться, но все равно в страхе ожидать, когда в тебя врежется «Титаник» полный упреков.

– У тебя появился мужчина? – без предисловий заявила она, заставив меня отпрянуть в удивлении.

Этот вопрос не был похож на гром среди ясного неба, скорее напоминал машину, обрызгавшую тебя из ближайшей лужицы.

Я мельком взглянула на Артура.

Рядом с ним уже отиралась Губанова, вытянувшая любопытное лицо, как утка. Они и многие другие смотрели на нас с куратором, а я гадала, кто из них мог насплетничать ей о Роме?

Не то, чтобы я скрывала, но напрямую знал только Артур, а от него меньше всего ожидаешь такого подвоха.

Иногда мне казалось, что он знает обо мне все, даже продолжительность моих оргазмов, потому что, как раз после встреч с Ромой, стабильно пишет: «Как потрахалась?»

– Не понимаю, – все-таки помедлила я с ответом, повернувшись к Валентине Марковне, на что получила уже вторую улыбку за учебный день. Просто нонсенс.

– Когда ты пришла на вступительные, – поведала она. – Я

видела девочку. Хрупкую, нежную, при это невероятно сильную. Роль в умирающем лебеде была как раз для тебя. Сегодня я увидела в тебе огонь, ты пылала, ты излучала страсть.

Мои глаза распахнулись, грозясь выпасть из орбит.

– Правда?! – на уровне ультразвука спросила я.

– Естественно. Движения стали более живыми, ушла механичность, если хочешь. Ты, детка, научилась ненавидеть. Танцевала так, словно в твоей голове сидел мужчина. Я только надеюсь, что это не отвлечет тебя от основного занятия?

Она приподняла брови, ожидая от меня немедленной реакции на свой последний вопрос, но я сглотила.

– Какого...? – спросила и тут же прикусила губу, сразу исправившись: – Ни в коем случае. Балет всегда на первом месте. Я благодарю вас за похвалу.

Я увидела лишь вежливый кивок, хотя в лице она не на секунду не изменилась.

– Да будет так. Думаю, что мы поставим тебя в основной состав спектакля.

– Ка-рмен? – слова не слова, а слоги вырвались из моего рта. Первый состав.

Считай успех в кармане. На этом спектакле меня увидят все. Это было невероятно. Просто... Вау!

Меня словно подкинули высоко вверх, а потом подхватили и закружили.

На душе стало хорошо и спокойно, а на лице непроизвольно возникла широкая, блаженная улыбка.

– Ты не обольщайся, – слова куратора вернули меня в реальность. – Тебе еще работать и работать.

– Понимаю.

Но ее предупреждение и наставление уже не имели значения. Словно после куска торта вам подали зубчик чеснока. Невкусно, но не смертельно.

– Спасибо большое. Огромное!

– Да, – кивнула она спокойно и уже сделала шаг в сторону, как зацепила взглядом ждущего меня Артура.

Остальные, всё выяснив, разошлись.

– А что Веселов?

– А что с ним? – я взглянула на друга, который стоял, небрежно облокотившись на стену, и разговаривал с Таней, но я знала, что все мышцы его тела напряжены, а сам он впитывает каждое слово.

Разве могла я подвести лучшего друга. Единственного, если говорить честно.

– Справится? Главная роль, в которой нужно сыграть разрушающегося изнутри героя.

– Мне кажется, он справится с любой ролью.

Сказала вроде бы правду, но мне не понравилось, как это прозвучало. А смогу ли я сама распознать эти роли?

– В таком случае приступаем к вечерним репетициям, чтобы не красть время у учебного процесса, – решила она, и наконец, двинулась в сторону выхода.

Как только дверь в актовый зал закрылась, меня тут же

подхватили сильные руки и закружили в бесконечном радостном вихре.

– Кармен! Анька, ты слышала. Мы в первом составе! – воскликнул Артур, уже опустив меня на пол. – Ты представляешь?

– Да, Артур, отпусти уже, пока Губанова меня не зажевала губой.

Таня порой так выпячивала губы, то ли чтобы оправдать свою фамилию, то ли просто, потому что хочет выглядеть уткой.

Она мило улыбнулась, если этот оскал можно назвать милым, и прошествовала к нам, сразу же подхватив Артура под локоть.

Тут она стала протягивать мне телефон.

Я зачем-то оглянулась на свою сумку. Она все также лежала на втором ряду, где я ее и оставила.

– Спасибо, Губанова, но мой телефон в сумке, а твой мне не нужен.

– Это твой, – закатила она глаза, чем вызвала еще большее недоумение.

– Как мой телефон оказался у тебя?

– Выпал из сумки, разумеется, не думаешь же ты, что я полезла в нее сама?

– Разумеется, – повторила я, как чревовещатель, пытаюсь сообразить то ли Губанова совсем страх потеряла, то ли планета начнет крутиться в обратном направлении, потому что

проявление доброты от блондинки не видел еще никто.

– Я жду тебя у выхода, – взмахнув длинными, нарощенными ресницами, Губанова чмокнула Артура. Привлекая внимание к крутым бедрам, покручивая ими, она направилась к выходу.

В зале нас осталось трое, а потому свет уже приглушили. Везде, кроме сцены, где сейчас будут мыть пол.

– Там тебе сообщение приходило на ватсап, но я, кажется, удалила его, – уже в двери сказала Губанова и скрылась.

Если до этого я стояла, не шевелясь, расслабленно, то теперь замерла, словно кто-то заковал меня в статую.

То есть взять из сумки телефон, потому что такой вряд ли кто-то видел – айфон последней модели есть далеко не у всех – это, конечно, идиотизм и наглость, но не преступление.

Но просмотреть сообщения, а еще и удалить их. Это надо быть не просто наглой, это надо быть отбитой. На всю голову.

– Ты совсем отбитая? – словно читая мои мысли, спросил Артур, удержав меня за руку уже в закрытую дверь.

Руки зачесались со страшной силой. Повыдергивать бы все светлые волосы, единственное что в Таньке осталось настоящего, потому что мозг, похоже, заменили на менее удачную копию.

– Что было в сообщении?! – все-таки вырвалась я и крикнула в раскрытую дверь. Таня обернулась.

– Пятница, – ответила она и скрылась за углом коридора. Вот что это было? Ревность к Артуру? Да все знают, что

я к нему совершенно равнодушна.

Все его поползновения останавливаются мною на стадии зачатия.

Неожиданно другой блондин занял мои мысли, как только пришло новое сообщение на телефон.

Вопросительный знак.

Это было, как минимум, оскорбительно и я не стала отвечать.

Артур подал мне сумку.

– Наверняка Таня не специально, – сказал он, хотя и сам в это не верил.

– Ну да, как обычно, – не глядя, пробормотала я. – Так же не специально, как она мне семечек за шиворот насыпала во время вступительных.

– Зато ощущения были острее, – усмехнулся Артур, вспоминая забавный момент. Он, наверное, думал, что я могу пережить все.

Я очень надеялась, что он прав, и сжала руки в кулаки, сдерживая желание взять в руки телефон и ответить: «Да» Роме. «Да» на все, что бы он не попросил.

Но там-то все понятно, а вот что Артур нашел в Тане?

– Что ты в ней нашел? – спросила я, уже на подходе к раздевалкам, из которых выходили последние студенты.

– Вагину? – пожал плечами Артур, и я резко вскинула взгляд. Раньше при мне он не был столь бестактным.

О половых органах, как о деньгах, в приличном обществе

не говорят. Но все хотят.

– Это мерзко.

– Что естественно, то не безобразно. И, кстати, – он резко обошел меня, преградив путь, и с легким толчком прижал к стене.

Вот это уже было совсем за гранью разумного.

– Что ты делаешь?

– То, что в тебе стало больше страсти, не заслуга твоего докторишки.

Я не ответила на это завуалированное оскорбление, лишь сильнее вжалась в стену, когда Артур склонился ко мне и впился взглядом тигриных глаз.

Я струсила. Он действительно умел быть пугающим, порой неприятным. В его жизни были цели, и он напролом к ним шел.

Такое качество было присуще и Роме, но если тот спокойно работал и трудился, то Артур мог пойти и по головам.

Самый младший в семье из восьми человек, он остро переживал, если на него не обращали внимание.

Неудивительно, что он выбрал профессию танцора. Это своего рода знак, что ты всегда будешь на виду. Если не умением, так фигурой и внешностью.

Артур наклонился ближе, наблюдая за тем, как дрожат мои губы, а мне вспомнился самый первый раз, когда он испугал меня, прекратив играть в заботливого брата и превратившись в самца, учувшего самку.

– Аня, – проговорил он шепотом, щекоча мне ухо своим дыханием после того, как резко и неожиданно завалил на кровать в моей комнате пару лет назад. Я показывала ему новое па.

– Артур, что ты творишь, мне щекотно.

– Я хочу тебя, Аня, очень хочу. Ты же понимаешь, что мы с тобой идеальная пара. Ты уже выросла. Тебе со мной нечего бояться.

– Мне кажется, что шестнадцать, это еще не совсем выросла.

Я тогда сначала ощутила тошноту, а следом страх, растекшийся по венам подобно ледяной воде.

Артур был выше, сильнее и мог, не особо запариваясь, склонить меня к близости. Я бы вряд ли смогла отбиться от такого кабана.

Эту заминку, заполненную мыслями о собственной слабости, Артур воспринял по-своему и стал действовать настойчивее.

Тронул еле наметившуюся грудь, коснулся прикрытого купальником живота, бедра.

Стало противно, и я поняла, что сколько бы не хотела выглядеть или притворяться слабой, такой я не была.

Еще отец, пока был жив, учил меня защищаться, потому что, по его словам, такую красотку всегда будут окружать уроды.

Вспоминая наставления отца, я напрягла все тело, резко

ушипинула Артура, от чего он вскрикнул и отвлекся.

Это позволило мне скинуть его с себя и выгнать. Мы после этого почти месяц тренировались молча.

– Сексом мог бы заняться с тобой и я, – решительно сказал Артур, выдерживая меня из воспоминаний, почти коснувшись моих губ.

Он держал меня за плечи и все, что оставалось мне, чтобы не устраивать скандала, отвернуть голову.

Трель звонка с песней «Рома, Рома, Роман» заставила Артура отпрянуть, а меня рассмеяться.

– Он старый, – раздраженно рывкнул друг, наблюдая, как я достаю телефон из сумки.

Я все еще была обижена на Рому, но не соврала, когда сказала:

– Он мой роман, ты же слышал? Про него даже группа Винтаж поет.

– Про меня тоже кто-нибудь поет.

Еще раз хихикнув, я отвернулась от покрасневшегося друга и ответила на звонок.

– Остыла? – слышалось в трубке, и я ощутила трепет в теле от низкого бархатного баритона.

Глава 4. Аня

– Остыла? – слышалось в трубке.

– Я же не кипяток, чтобы остывать, – произнесла я в труб-

ку, внутренне радуясь, что он все-таки позвонил. А ведь стоило проигнорировать всего пару его сообщений. Обычно я старалась отвечать сразу.

– Ты, малыш, обжигает похлеще любого кипятка. Что насчет пятницы?

Я встала у стены, прислонившись к ней лбом, и слушала чарующий баритон. Наверное, Рома был бы хорошим певцом, не стань хирургом. И спел бы мне про пятницу-развратницу.

– Твой приятель знает, что я приду? – уточнила я.

– Даже если бы не знал, это не имеет значение, ведь ты едешь со мной.

– А мы долго там будем?

– Почему... – он замолчал, прекрасно зная, о чем я думаю. – У меня в субботу в обед операция, а ночь мы вполне можем провести у меня.

– Если тебя не вызовут, – сказала я и поняла, что, в принципе, впервые упомянула о том, что недовольна нашими редкими встречами.

– Птичка решила показать коготки? – усмехнулся в трубку Рома.

– У меня еще и клювик есть.

– Мне очень нравится твой клювик, милая. И я выключу телефон. Пусть хоть вся больница подохнет, но я останусь с тобой и буду трахать всю ночь.

– Просто трахать? – еле слышно спросила я, уже чувствуя,

что намокла от такой перспективы.

– Не просто, Аня. А долго, качественно и со вкусом, – прорычал он в трубку.

– Мм, заманчиво. Но ты все равно был груб сегодня.

– И за это я уже извинился и еще раз извинюсь в пятницу.

– Долго, качественно и со вкусом?

– Да, проведу операцию по вытягиванию из тебя обиды, – рассмеялся Рома, заставляя мое тело дрожать от этого роко-чущего звука. В трубке раздался гудок клаксона. Очевидно, он ехал за рулем.

– Тогда до пятницы?

– Отлично.

– И Рома? – он замолчал, слушая, что я скажу дальше. – Скальпель часто не полируй, а то вдруг он станет еще меньше.

Трубку я положила резко, зная, что если не разозлила, то раззадорила дракона точно. И теперь он будет всю неделю думать о том, как накажет меня. А я о том, как мне это понравится.

Когда я вышла из Академии, стояла уже ночь. Машины в этой части города ездили редко, а свет был несколько приглушенным. Много уличных фонарей было разбито. Все это создавало атмосферу некой опасности, но я спокойно двигалась к остановке, стараясь не смотреть по сторонам.

Здесь часто обитали забулдыги. Один из таких спал под навесом трамвайной остановки. Когда я подошла, он словно

ищейка, учуявший запах, втянул носом воздух и открыл глаза. В темноте его лицо было почти не различить, но я прекрасно видела, что смотрит он на меня. И вскоре заметила, что он встал и его почти деформированный мозг выбрал себе цель.

Оцепенение спало, и я отвернулась к рельсам, в надежде, что не придется бежать. Было пару случаев.

Смрад, чуть повеявший на меня, вдруг усилился, и я услышала за спиной шарканье ног по асфальту.

– Сигаретки не будет, крошка?

Сигнал дан. Понятно же, что сигареты у меня быть не может. Я в этом пуховике выгляжу не больше чем на пятнадцать. Я уже сделала шаг, чтобы пуститься вскачь, как вдруг глухой удар заставил меня испуганно замереть и обернуться.

Вообще в экстренных ситуациях советуют бежать, но у меня ровно наоборот. Я застываю, не в силах пошевелиться. Это опасно и может привести к неприятным последствиям, но сегодня мне повезло.

– А вы что здесь делаете?

Марк и Кирилл последний раз пнули пьяное тело, и совершив свое коронное «дай пять», наконец, обратили на меня внимание.

И как обычно Марк смотрел без эмоций. Спокойно. Он вообще мог испугать, если бы не умел улыбаться так лукаво, а вот Кирилл... С ним вообще было сложно. Особенно, последние пару лет.

– Кира, – только и успела сказать я, как он натянул капюшон на такие же, как у меня глаза и пошел в сторону метро. До него было несколько минут ходьбы.

– Ты поздно, – только и сказал Марк, покачиваясь на каблуках зимних кроссовок, провожая взглядом брата. Такого одинакового внешне и такого другого внутри.

– Репетиция, а вы?

– Соревнование перенесли.

– Какое место?

Он пожал плечами. Победа в кикбоксинге стала обычным для них делом.

– Пойдем что ли, трамвай сегодня вряд ли уже приедет.

Мы шли спокойно, не торопясь. Марк, обычно несущийся сквозь время и пространство, подстраивался под мой шаг. Было даже как-то странно идти вот так, словно не было этих двух лет отчуждения, словно мы снова дружная семья.

– Марк, раз уж выпала такая возможность...

– То давай ею воспользуемся и помолчим.

Я открыла от возмущения рот и тут же закрыла. Если братья не хотели, от них вообще мало, что можно было получить.

– Ты сама виновата, – все-таки подал он голос минуты через две, пока я оглядывала заснеженные улицу и новогоднюю иллюминацию.

– Объяснись.

Мне хотелось остановиться, посмотреть ему в глаза, что-

бы понять, не совет ли он мне, но Марк упорно шел вперед. Оставалось только догонять.

– Сама понять уже должна. Мужика вроде даже завела, а все в облаках летаешь.

– Откуда...?

– Да видели сегодня его ДСку, отличная тачка. И телефон у тебя крутой. Из-за бабла трахаешься с ним?

– Нет! – оскорбилась я. – Моя жизнь не твоего ума дела, лучше расскажи, что произошло и почему я для вас стала опаснее чумы?

– У Кирилла спроси.

– А ты значит не причем? – огрызнулась я.

– У меня на тебя не встает, – усмехнулся он.

– Что?

Я резко умолкла и отвернулась, пытаюсь осознать язвительную фразу, кинутую братом. В голове замелькали образы прошлого. Последнего дня, когда мы еще назывались семьей.

Несмотря на отдельные комнаты в большой квартире, мне нравилось тусить с братьями в их комнате. Перед сном они вечно учили меня играть в карты, защищать себя и материться. Это я, кстати, осваивать отказалась.

А еще мы дурачились на разложенном диване. Щекотали друг друга, визжали, ржали как идиоты. Даже соседи как-то пришли. Наверное, своя жизнь кажется им скучной.

Все произошло в одно болезненное мгновение. Я оказа-

лась сидящей на Кире, без задней мысли щекотала его, за-
драв футболку и оголив уже вполне оформившийся торс. И
вдруг почувствовала твердость в его кармане.

– Кира, – рассмеялась я. – Мне казалось, ты закончил иг-
рать в пистолетики.

Марк, уже давно рубившийся в приставку, обернулся и
просто выпал. Он ржал как безумный повторяя:

– Пистолетик. Бл*ть, пистолетик!

А Кира покраснел, и резко оттолкнув меня, бросился вон
из комнаты.

Это и была точка отсчета, тот самый момент, когда вся
прелесть родственных отношений пропала, словно закончи-
лись выходные и начались будни.

Единственное, чего я достаиваюсь теперь, это привет-
ственное бурчание.

– Пистолетик, – простонала я, вернувшись в реальность и
закрыла горящее лицо руками.

– Да ладно?! Ты только сейчас доперла?

Я кивнула и вздрогнула от шлепка, которым ознаменовал-
ся фейспалм.

– Откуда мне было знать! – крикнула я, сгорая от стыда. И
вспомнила, в чем собственно хожу по дому. Даже не думая
о чувствах братьев. Дура! Господи, какая же круглая дура.

– Но это же просто эрекция. Просто возбуждение. Оно
прошло и все... – предположила я с надеждой.

Марк резко мотнул головой и прищелкнул языком в ух-

мылке.

— Бери выше сестренка. Там далеко уже не просто пистолетик. Там пуля в сердце. Хрен вытащишь. А уж поверь, мы пытались.

— Ты тоже?! — отшатнулась я, словно он мог напасть прямо здесь.

— Еб*нулась? — заржал он, — Мне сроду плоскодонки не сдались. Я подержаться люблю — титьки там, жопа чтобы была.

— Ну и мерзость.

Титьки, жопы, вагина, пистолетик. Что еще интересного я услышу этой ночью?

— Не строй из себя святую невинность. Мужiku твоему сколько? Под сорокет?

— Тридцать один, — рывкнула я, злясь на Марка. С ним вообще, если долго

разговаривать, чувствуешь себя в вольере с ядовитой змеёй. То и дело прыскает ядом.

Я ускорила шаг, чеканя его, словно солдат. Но Марк не отставал. Впереди замаячила спина Киры. Парни всегда выбирали одежду ярких цветов, всегда хотели выделиться, словно того, что они близнецы, недостаточно.

До дома мы добрались на удивление быстро, хотя и молчали всю дорогу. Даже братья как воды в рот набрали.

Я только и слышала.

— Сказал, что ли?

– Сама догадалась, – солгал Марк, что было для него обычным делом.

Глава 5. Аня

Всю следующую неделю у меня не выходили из головы три проблемы. По сути, они проблемами не являлись, но на мозг давили, резали нервы по живому и вообще не давали спать.

Артур. Изменения, внешне незаметные, но слишком явные, чтобы не понять, произошли с ним с того самого дня, когда он впервые за долгое время пытался меня поцеловать.

На репетициях, на движениях, которые и так отличались страстностью и резкостью, он порой был беспредельно груб. То сжимал с силой талию, то буквально вдавливал в себя при разворотах и поддержках. И, наверное, со стороны все это выглядело очень красиво, по факту же причиняло невыносимый дискомфорт. На все мои просьбы и требования вести себя адекватно он лишь улыбался, хохмил или шел практически трахать губами Губанову.

Губами Губанову, игра слов какая-то.

Кирилл. Все мои попытки вывести брата на разговор оканчивались или хлопками двери перед носом, или потемневшим взглядом, от которого уже сбегала я. Единственное, что удалось изменить – это вылезти из обтягивающих, как хирургические перчатки бриджей и маечек, да купить в ближайшем ODGY пару домашних балахонов.

Роба. Эту проблему – не проблему я обдумывала почти все время, когда не была занята учебой. И только у меня возникала насквозь правильная мысль порвать с ним и вернуть утерянное достоинство, как вдруг он писал или, что еще удивительнее, звонил. Неужели чувствовал, что может потерять меня?

А может, Аня, ты сама себя обманываешь? Это же не сладкое, от которого ты с такой легкостью отказываешься. Рома в сердце. Его не вырвешь и не заменишь.

Вот это и приводило в раздрай все чувства.

Желание бежать от него и к нему сводило с ума, убивало, вызывало бессонницу. Последнее особенно становилось заметно, когда я пропускала очередную неважную фразу Артура.

А порой не только фразу.

– Синицына, а ты куда собралась?

Я остановилась, смотря на дверь актового зала. Красивую такую, резную. Явно на заказ делали пару десятков лет назад. И за этой дверью, вниз шесть пролетов лестницы, еще одной дверью ждал Рома.

Что что, а педантичностью он отличался и во временном факторе. Он никогда не опаздывал. Сказал в шесть, значит в шесть. И, конечно, злился, если опаздывала я.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как грудь сжимается от тягостного предчувствия, и повернулась к сцене.

Валентина Марковна смотрела на меня в недоумении,

сложив руки на своей могучей груди. Впрочем, ее взгляд не отличался от того, как смотрели все остальные. Три состава спектакля. Кажется, я настолько уплыла по волнам сознания, что пропустила что-то важное.

Тишина стала настолько ощутимой, что ее можно было резать ножом. Кто-то не выдержал и фыркнул.

– Нашей приме-принцессе негоже репетировать после шести вечера?

– Наверное, ноги превращаются в тыквы.

От представленной картины некоторые заржали, другие усмехнулись, но окрик куратора заставил шутников замолкнуть.

– Аня, сегодня должен подойти Афанасьев. Об этом я говорила ещё с утра.

Вот это поворот. Режиссер столичного кордебалета, помощник режиссера хореографического театра, тесно сотрудничавшего с Аллой Духовой – той самой, что в Тодесе – появится здесь.

Все ясно. Он хочет посмотреть наработки, и взять кого-то для масштабного мероприятия, что готовилось на Новый год, или же он хочет поставить наш спектакль в своем театре. А это уже другая аудитория, правильный свет и настоящий оркестр. Невероятно круто. Для кого-то и раньше для меня. Но я не могла отказать, не могла просто открыть двери и сбежать, потому что знала. Это путь в никуда.

Я медленно зашагала обратно к сцене, чувствуя огромный

ком в горле, словно кто-то пихал мне туда кулак. Возможность увидеться с Ромой со свистом вылетала в трубу, как и послушать злободневные шутки его коллег.

– Как я могла не услышать? – проговорила я, усаживаясь рядом с Артуром, улыбка которого была раздражающе довольной.

Трясущимися руками я доставала телефон.

На сцене снова заиграла музыка. Третий состав вернулся к прерванной репетиции. Резкий ритм ударных бил по мозгам метрономом, словно отмеряя секунды до моей смерти.

Он не поймет. Он просто скажет: «Прощай, Птичка».

«Рома».

«Я жду уже десять минут».

«Я не могу. Репетиция затягивается», – набрала я сообщение, наблюдая, как на экран капают мои слезы.

«Отпросись».

Я прямо вижу, как он отдает это указание. Жестко, так же жестко, как он мог сегодня вбивать меня в свою кровать.

«Нельзя. Не сегодня».

И все... Страх узлом скрутил внутренности, и я всхлипнула, понимая, что даже если рвануть вниз, сбежать. Я не успею застать машину на стоянке.

Больше ответа не было. Телефон не завибрировал, и на экране не высветилось Сладенький. По щеке покатались слезы, счета которым уже не было.

– Вот же жалость, – пропела за спиной Губанова, и я мед-

ленно повернулась. – Не потрепыхаешься со Сладеньким.

Она так сладко улыбнулась, что живот скрутило болезненной судорогой.

Все напряжение последней недели, вся усталость, злость и обида сформировались в поистине ужасающий взрыв. Он прогремел внутри меня, и я с рычанием, буквально перелетела через спинку кресла и вцепилась в светлые волосы этой стервы.

Она визжала, как отборный поросенок, стараясь отпихнуть меня, то царапая щеку, то кусая за плечо, но я не чувствовала боли. Только желание вытрясти из нее всю дурь, только, чтобы она перестала меня донимать.

– Отвали, больная! – кричала она. – Артур! Артур убери эту *бнутую!

Я знала, что он смотрит и улыбается, ему наверняка нравилось это представление, как и многим другим в зале. Возможно, уже завтра я стану звездой социальных видео сетей.

Нас растащили. Кто, я не знала, пока не увидела нависающую надо мной фигуру Афанасьева Олега. Мы давно знакомы, но лично не общались.

Я все еще тяжело дышала. Меня трясло, но сильные руки крепко держали меня за плечи.

Он хохотал.

– Никогда бы не подумал, Синицына, что ты так умеешь. Теперь к тебе даже подойти побояться.

– Еще бы, – крикнула Губанова, размазывая тушь и губ-

ную помаду вместе со слезами по лицу. – Ей самое место в психушке!

Потрепанный вид этой потаскушки вызвал злорадное удовлетворение, и я не смогла сдержать дикой улыбки.

– Воу, – подал сверху восхищенный голос Афанасьев, и я подняла голову. – А ты страстная, Птичка.

Он заглядывал мне в глаза, так же, как когда-то делал Рома. Это был своего рода ритуал по определению к себе интереса. Я не могла выказать его человеку, пусть даже чертовски красивому, любовные похождения которого не обсуждают разве что дети.

Я отпрянула. Так ничего и не ответив, потопала на сцену, потому что мне было необходимо скинуть пар. Раз теперь в моей жизни не осталось Ромы. Значит, пора сосредоточиться на профессии.

Валентина Марковна, на удивление довольная, сначала поздоровалась с Афанасьевым коротким рукопожатием, а потом посмотрела на всё еще ревущую Губанову.

– Иди хоть умойся.

Артур даже не собирался помогать своей девушке, которую держал в объятиях. Он что-то шепнул ей на ухо и подтолкнул в сторону подружек. Они и повели ее в туалет.

Сам же Веселов, нагло ухмыльнувшись, в легком изящном прыжке забрался на сцену и встал рядом со мной. Его пошлое восхищение во взгляде бесило неимоверно.

– Ох, Анечка. Ты даже в истерику впадешь красиво, боюсь

представить, как ты трахаешься.

– Не бойся, тебе и остается только представлять, – огрызнулась я, в уме просчитывая нужные шаги, не обращая внимания на вмиг помрачневшего, как предгрозовое небо, Артура.

Глава 6. Рома

Утро. Солнечное, хмурое, после смены или отличного секса. Утро бывает разным и очень часто говорят, что оно не бывает добрым. И обычно я вполне согласен с этим пессимистичным утверждением, но не сегодня.

Ну, во-первых, я проснулся. А для человека, так часто видевшего смерть, это уже счастье.

Во-вторых, сегодня я, наконец, попаду на тренировку. Работа в последнюю неделю была изматывающей, особенно после того, как кто-то сломал многомиллионный аппарат.

То, что это было сделано нарочно, по наитию Марины, сомнений не оставалось. Но с этим я буду разбираться позже, а пока...

Третье и самое главное. Аня.

Я уже начал жалеть о данном обещании не трахать никого, пока мы вместе. Оно давалось все труднее, когда счетчик передергиваний перевалил за двадцать, а Ленка Фролова не сводила меня взгляда всю тренировку, а потом и вовсе не заявила в душ.

Она стояла напротив меня. Еще влажная после тренировки, с высокой грудью, плоским исполосованным мышцами животом и мускулистыми ногами, между которых я уже побывал не раз.

Её руки поднялись, вынуждая приподняться и груди, делая это спортивное тело еще соблазнительнее, а я, бл*ть, думаю об Ане.

Это уже патология, Сладенький.

– Извини, Ленусик, кажется, сегодня тренировка высосала из меня все силы.

Зря я это сказал, потому что она тут же улыбнулась, проведя языком по губам. И если у Ани это движение меня возбуждало, то тут скорее забавляло.

– Хочешь, я всосу тебе силы обратно.

Я рассмеялся.

– Это даже звучит нелепо, а как ты это делать собралась?

Я выкрутил кран до конца, чтобы, наконец, помыться и уже через минуту вышел из душа, направляясь к шкафчику в тренерской.

Спортивное прошлое давало свои привилегии. Хотя я и не стал признанным чемпионом кикбоксинга, толику уважения получил. Вот даже шкафчик в тренерской. Чем не привилегия? И Лена, всегда готовая, особенно, когда муж в командировке.

– Рома, у тебя стояк как у пятнадцатилетнего, – насупилась уже одевшаяся брюнетка, наблюдая за тем, как интере-

сующий ее в данный момент предмет скрывается в боксерах.

– Ты красивая баба, на тебя у любого встанет, – кинул я на нее взгляд, и продолжил одеваться.

Она улыбнулась этому комплименту, забывая, что я их в принципе не делаю. Я просто констатировал факт.

– Ну, так может Сладенький скрасит мое невольное одиночество? – игриво ввернула она и сделала шаг ко мне.

Я уже натянул футболку, джемпер и высокомерно посмотрел на нее, стоящую прямо передо мной. На уровне глаз. Высоковата, как по мне. Впрочем, теперь я любую женщину буду сравнивать по всем параметрам с Аней и ее 160 сантиметрами.

Что отразилось в моих глаза такого, что она резко побледнела?

– Что? – нахмурился я.

– Скотина! У тебя появилась другая, – заявила она и ткнула меня в грудь. Может быть, и хотела сильно, но я даже не качнулся.

Я мог бы многое ей сказать. Про то, что это не её ума дело. И про мужа. И про сына. И про то, как она мне напоминала порой мать. Но не стал. Просто хмыкнул и развернулся к шкафчику, собирая в спортивную черную сумку последние вещи.

Но сколько не игнорируй снег, двигаясь по московским улицам, сколько не сдувай снежинки, налипавшие слоями на лицо, природа все равно будет тебя преследовать.

Вот и Лена. Ей и говорить ничего не требовалось. Она все придумала сама.

– Значит, это правда. Я думала Саныч врал, что видел тебя с малолеткой. Нет, серьезно?!

Она уже шла за мной к выходу, бурча и причитая. Я сносил любые вопросы и уколы, пока она в конец не обнаглела:

– Ты, взрослый мужик, пялишь школьницу?

Я резко развернулся, так, что она на меня налетела и охнула.

– Ты, когда открываешь рот, Ленусик, следи, чтобы серое вещество из черепушки не утекало.

– Ты вот эти свои медицинские штучки оставь. Ей хоть есть восемнадцать? Или совсем офонарел на старости лет.

Да, ее было сложно испугать, но я раньше и не пытался. Теперь мне вдруг захотелось сжать руки на ее крупной шее, чтобы она заткнулась раз и навсегда. Да и любому, кто хотя бы заикнётся о моих отношениях с Синицыной.

Я едко улыбнулся, давая ей немного расслабиться. А затем провел по лицу рукой, к волосам, и оттянул их. Да так резко, что она закричала, привлекая к нам внимание тех, кто тренировался.

Мне было плевать, что за нами наблюдают.

– Ты когда ложишься под тренера, на тебя песок не сыплется? – прошипел я ей в лицо, пока она пыталась убрать от себя мою руку.

– Откуда ты...

– Знаю. А может узнать и твой муж, так что отъ*бись от меня. Поняла?

Я отпустил ее, когда она кивнула. Освободившись от моих цепких пальцев, она сразу повернулась к тому самому тренеру – Санычу. Справедливости ради сказать, вполне еще здоровому, крепкому мужику.

Но разница между ними была порядка двадцати лет, и я просто ей об этом напомнил. Тренер Малехин Владислав Александрович отвел глаза, а Лена тут же убежала в женскую раздевалку.

Привилегий она так и не получила. И даже персональные тренировки с Санычем не помогли.

Несмотря на странное утро, день не стал хуже. Я, наконец, доехал до того ювелирного магазина, что проезжал мимо, наконец, раз десять, постоянно думая об Аниных ушках.

И сегодня купил золотые серьги капельки, усыпанные россыпью мелких брюликов. Тело тут же напомнило о последней фантазии про обнаженную Аню в пуантах, и я решил, что серьги будут приятным дополнением к этому сексуальному образу.

Я набрал сообщение Ане о том, что приеду к ее универу ровно в шесть и помчался в больницу.

Были еще незаконченные дела.

День сегодня, словно вторя моему настроению, шептал и радовался. Солнце освещало заснеженные улицы, создавая поистине драгоценное сияние на снегу. Люди бродили в этой

красоте, не противореча ей своими красочными одеждами, разным цветом лица и улыбками.

Москва был одним из тех городов, в котором можно было встретить людей абсолютно любой национальности, вероисповедания или сексуальной ориентации. Здесь никто никого не стеснялся, порой одеваясь так, что даже у меня краснели уши.

Нарядилась бы Аня в кожаную красную юбку, сильно наминающую пояс, ботфорты, сплошь исполосованные ремнями и светлую курточку – это в конце ноября – у нее бы мигом покраснела вместо юбки задница.

Еще одна чертова фантазия.

Вот только, как это все воплотить, если мы видимся от силы раз в неделю, ежели не реже. И я ведь сам держу ее на расстоянии, берегу, чтобы не влюбилась, не страдала.

По-моему, Сладенький, ты где-то свернул не туда.

Это верно. Редкие встречи только добавляют остроты, а мое свинское поведение в сочетании с заботой и удовлетворенностью Ани от секса заставляли ее желать меня при любом раскладе.

А вот быт, он бы уже убил чувства.

Даже одна из медсестер рассказывала, что рассталась с парнем, потому что переехала к нему через два дня после знакомства и тут же почуяла вкус замужней жизни, в сочетании с грязными носками, леностью в кровати.

– Да я лучше буду считаться секс позитивной и тусить по

клубам. Чем слушать его пердеж и п*здешь, – говорила со смехом она, и я был вполне согласен.

Мужики, они ведь как коты. Ловля мышей для них дело всей жизни, но стоит одного такого взять домой, регулярно кормить, мыть, он и вылизываться перестанет.

А зачем? У него ведь есть женщина. Она и накормит, и отсосет, а потом и денег может заработать. Вот мужской род и обленился, надеясь на слабый пол.

Мужикам охота нужна, азарт, иначе мы быстро теряем и интерес к жизни, и желание к женщинам.

Я, конечно, не обленюсь, но теперь меня стала посещать мысль провести с Аней терапию бытовухой, может быть и меня быстрее отпустит.

Когда люди начинают жить вместе, очень много неприятных факторов и скелетов вылезают, запрятаных в самые дальние уголки подсознания и жизни.

Аня ответила только спустя полтора часа, она была одной из тех, кто не держал смартфон при себе круглосуточно, боясь лишний раз выпустить из рук. Для неё это действительно было только средство общения.

Даже ее соцсети были скорее способом послушать классическую танцевальную музыку или найти спектакли и кадры из них. Там, конечно, были ее фотографии, но всего несколько штук и не слишком удачных, но я все равно не мог отвести от них взгляд, то и дело пролистывая ленту.

Вот Аня изогнулась на фоне сцены, а вот она с женщиной,

судя по одинаковой радужке глаза и корневому росту волос, это была её мать. А вот и Веселов Артур, незаменимый атрибут ее жизни и сильно раздражающий фактор для меня.

Я доверял Ане, знал, что кроме меня у нее никого нет, видел, как она трепещет от одного моего взгляда, а от касания почти дуреет, но сама мысль, что руки этого лощеного уroda трогают Аню – её тело, талию – вызывали невыносимый скрежет зубов.

Я, конечно, был на балете и знал, примерно, как взаимодействуют партнеры на сцене. Вроде бы отстранено, но слишком близко, интимно.

Чтобы это не выводило из себя, я старался об этом не думать. Не стала Аня же ревновать меня, будь я гинекологом?

Я содрогнулся от этого образа, да так, что медсестра, принесшая медицинские карты на подпись, спросила не холодно ли мне.

Нет. Тут, пожалуй, перебор. Я любил женские вагины, но не настолько.

И вот, наконец, спустя так называемый шоппинг, заполнение отчетов, перепалку с Федоровым насчет нового препарата, который ему как анестезиологу хотят втюхать фармацевты и пробку, я подъехал к вузу Ани.

Стоял у машины, разминая затекшую шею. Наверное, даже у Москвы, а ведь я к ней отношусь вполне сносно, есть минус. Пробки, которыми она все испещрена, словно зимний стадион лыжней.

– Сладенький! – услышал я и обернулся. Ко мне вразвалочку шел Афанасьев Олег.

Ничего удивительно, что продюсера одного из лучшего кордебалета Москвы и помощника режиссера театра танца я встретил у хореографического вуза.

Мы познакомились, когда он застал меня с одной из своих танцовщиц. Слабенькой, надо сказать, она даже на шпагат не садилась, зато резко садилась на член, как оказалось, не только мой.

Афанасьев тогда испытал судьбу, попытавшись меня ударить, а в итоге все закончилось отличной групповушкой с той девкой в главной роли. Она, кстати, поучилась на нас, и теперь звезда местного стрип-клуба. Я больше ее не видел.

– Ромыч, – Афанасьев с гаденькой улыбкой пожал мне руку и улыбнулся. – Тебя опять на танцовщиц потянуло?

– Не одному же тебе снимать сливки этого мира.

Он рассмеялся и кивнул.

– Неплохо сказано, а что Марина?

– А что с ней? – нахмурился я. – У нее все отлично. Балашиха, дочь, муж, больница.

– Ладно, ладно, не кипятись, – поднял он руки, заметив в моих глазах угрозу. Я не очень люблю, когда вмешиваются в мою жизнь. В любые её области.

– А здесь-то ты кого ждешь?

– С утра помниться ориентацию не сменил, так что девушку, – расслабленно усмехнулся я, когда сменили тему. На

самом вверху лестнице прозвучал взрыв хохота, и мы повернули головы.

Две девушки улыбнулись Олегу и лукаво взглянув на меня, процокали каблуками в сторону трамвайной остановки, почти сливаясь с уже темным городским ландшафтом.

Я почему-то вспомнил, что Аня на каблуках ходить не может, ноги в пуантах и без того адски болели.

– Слушай, у тебя вроде серая была Дска.

– Была, – вздохнул я и смел несколько налетевших снежинок с крыши машины. – Но один придурок на дороге решил, что она устарела, вот и влетел в меня на полной скорости.

– Оу, а я и не знал, – фальшиво опечалился он, а потом чуть наклонился ко мне и доверительно произнес: – Главное, что яйца как колеса не покатались, верно?

Я фыркнул.

– Твои яйца скоро могут отвалиться из-за других колес.

– Да, я ж почти завязал. У меня же работа. Спектакль скоро.

– И я очень рад это слышать, – неверующе ухмыльнулся я и попрощался с самым скотским и бл*доватым человеком, которых встречал в своей жизни. Одно радует, что студенток он пока не трогает. Первокурсниц точно.

Я взял телефон. Времени еще было шесть минут, и я сел в машину, включив приятный слуху ритм фортепианной музыки.

Я всегда считал, что слова только портят её, и что уди-

вительно, Аня была со мной согласна, хотя в её плейлисте во вконтакте было много ритмичных треков. Сказать честно, Аня была во многом со мной согласна. И теперь желание затащить её к себе в логово, и узнать насколько она может быть послушной и услужливой, стало неодолимым.

Я ответил на звонок Новикова, тот был еще трезвым и сказал, что не выпьет ни капли, пока не увидит меня с моим птенцом.

Сегодня он за это даже не получит, больно настроение хорошее. Я даже не удержался и с улыбкой напомнил, что его птенец в штанах всегда с ним.

Когда время перевалило за шесть, я раздраженно посмотрел на закрытую двухстворчатую дверь старинного здания. На крыльце горел свет, что выделяло дверь ярким пятном. И я бы точно не пропустил Аню.

А нам еще за вином ехать через очередную пробку.

Я только собрался набрать девчонку, как мне пришло сообщение, разом понизившее отметку настроения почти до нуля.

«Рома».

«Я жду уже десять минут».

Не прошло и минуты, за которые я уговаривал себя не сорваться и просто не забрать Аню силком. Потому что понял, она не выйдет.

«Я не могу. Репетиция затягивается».

«Отпросись», – потребовал я, с силой вжимая пальцы в

экран.

Хоть раз в жизни. Потому что я, бл*ть, всю неделю только и жил мыслью об этой долбанной пятнице. Ну же!

«Я не могу. Не сегодня».

Я резко выдохнул горячий воздух, создавая вокруг себя белое облако. В машине было холодно, а во мне полыхал жар гнева. Я сжал одну руку в кулак, а из другой выбросил телефон на заднее сидение.

Все. Хватит.

Это категорически неправильные эмоции.

Недостойные ни взрослого мужика, ни тем более опытного врача. Я не должен так переживать из-за неудавшегося свидания. Не должен. Не должен! Она всего лишь девчонка.

Таких вон, целый город! Бери любую. Слышишь, Синицына? Любую! И я возьму. Прямо сейчас поеду и найду Ленку или Марину. Нет, только не ее.

Сука! Никого, кроме Ани.

Я прикрыл глаза, стараясь успокоить бешено бьющееся сердце. Не хватало еще раз машину менять.

Ты взрослый мужик Рома, а Аня просто не смогла отпроситься.

Просто не смогла.

И сейчас репетирует там со своим Веселовым.

Да хрень собачья! Пошло оно все!

Я завел двигатель и рывком развернулся. Нет, это ненормально. Я всегда был степенным водителем, а из-за Ани со-

вершенно иррационально начал сходиться с ума.

Новиков ждет. Хорошо, что хоть кто-то ждет, это позволяет не застывать в одной жизненной проблеме, а двигаться дальше.

– И я ей такой говорю, у меня с собой такой градусник, что мало тебе не покажется.

– А что она?

– А она потекла, как ртуть.

Заржали почти все, даже Новиков улыбнулся, хотя с беспокойством поглядывал на меня.

Я не был к месту на этом празднике черного юмора и пошлых историй о пациентах, врачах и медсестрах.

– И мне было стыдно сказать, что я гинеколог, так что я просто ляпнул, что работаю во внутренних органах, – хохотнул блондин.

Я его не знал. Шутка была забавная, хоть и устаревшая.

Я болтал лед в стакане с виски, к которому даже не приотронулся. Я хотел поехать домой на своих колесах, а не брать такси. Но злость на Аню и ситуацию, в целом, пьянила не хуже сорокаградусного напитка в моей руке.

Где-то сбоку завибрировал телефон, и я явственно услышал, что это мой. Новиков забрал его минут пятнадцать назад, так как я безотчетно пялился в темный экран почти час.

Не отрываясь. Я все ждал.

Одно извинение, и я бы сорвался, и привез ее сюда, заставив сосать мне по дороге. Заставил бы насаживаться ртом на

член, а потом бы выстрелил в горло. Наказал за испорченный день, а ей бы еще и понравилось.

Я вытянул руку.

– Дай, я посмотрю от кого.

– Да на репетиции твоя Аня, скоро закончит и позвонит, – улыбнулся Новиков и сделал глоток из своего бокала.

– Дай. Долбаный. Телефон, – рывкнул я, испугав Димона так, что он облил кристально белую рубашку.

На нас обернулось несколько человек, а гинеколог прервал даже очередную хохму.

– Вот ты псих, – недоуменно посмотрел на меня Новиков, но мне было уже плевать. Да и чужое мнение меня редко волновало.

– Мы поспорили, сможет ли он заставить меня облиться. Я проиграл, как видите, – махнул Новиков гостям и все вернулось на круги своя.

Кроме меня. И моего напряженного состояния. Нервов, по лезвию которых уже ходил Новиков.

Я не сводил с него взгляда, уже готовый вытрясти насмешливый дух и свой смартфон. Там наверняка написала Аня.

Димон все-таки достал мобильник, но не отдал, а открыл сообщение Ани. Я четко видел ее имя в шапке. Судя по размеру, пришла фотография.

– Димон, сукин ты сын, отдай сюда.

Но тот лишь мгновение пялился в экран и тут же провел пальцем, очевидно перелистывая еще одно фото. Сколько их

там пришло?

– Новиков, – уже встал я, но тот тоже вскочил и бросился от меня в сторону, снеся по дороге вазу с фикусом.

– Прекрати орать, а то я тебе валокординчика выпишу.

Он отступал назад и начал искать кнопку, чтобы удалить файл. Тварь! Я уже совсем взбесился.

Резко толкнул его к стене, так что тот ударился об нее и скатился вниз. Я выхватил телефон и с хлопком закрылся в спальне Новикова.

Получив возможность открыть сообщения, я ею воспользовался... И... застыл, чувствуя сильнейший удар под дых.

Да, это были фотографии, и на них была сама Аня, и она танцевала.

Наверное, если смотреть в процессе, это красиво и одухотворенно, но мой мозг запечатлел лишь, как рука малолетнего сального щеголя застыла на груди Ани, пока она, откинувшись назад, висела на его бедрах, зацепившись ногами.

Именно так, как я трахал ее в последний раз.

– Что за х*йня? – процедил я сквозь зубы и перелистнул фото.

И снова Аня, и снова этот Артур.

Он держал ее на руках. Сильных, разумеется – одной обхватив талию, другую держа между ног, именно там, где должны быть только мои руки.

– Это что за порнуха?

Я смотрел балет и, хоть ножом режь, не помню такого.

Вообще не помню, чтобы балет у меня вызывал хоть отголо-сок возбуждения, сейчас же я заполучил не только железный стояк.

Желание убить Аню и этого ее Веселова, который так лихо лапает мою женщину, было побольше моего немаленького члена.

Уже подъезжая домой, от греха подальше, я остановил машину, прямо перед подъездом и с огромным удивлением от-метил белый солярис Афанасьева.

И в темноте салона, за полутонированным стеклом мелькнула голубая куртка.

Меня как током шандарахнуло.

Я не спрашивал себя, как эти двое оказались здесь вдвоем, и почему они вообще оказались здесь.

Я просто выскочил из машины и рванул выручать свою Птичку.

Глава 7. Аня

Когда репетиция подошла к концу, Артур, сегодня совсем распоясавшийся, конечно же ушел, со мной не попрощавшись. Ну, еще бы, в какой-то момент я просто столкнула его со сцены под громкий хохот остальных, когда он в который раз цапанул меня за грудь.

Впрочем, меня больше волновал молчавший телефон, с которого сидя на остановке, я не сводила глаз. Сама позво-

нить РOME я не решалась, даже включить приложение была не в силах.

В моем теле поселилась удушающая тяжесть, оно словно стало весить килограмм на десять больше. Руки просто крепко сжимали гаджет, впиваясь пальцами, наблюдая, как на него стекают слезы, почти мгновенно превращаясь в ледяные шарики. Они скатывались вниз, теряясь в грязном снегу, что так часто сменял кристально белый, утренний.

Вот так бы и сидела на холоде, с отмерзшей задницей, и лицом уже полностью залитым слезами, если бы не гудок автомобиля и знакомый, высокий голос.

– Синицына, ты нам здоровой нужна. Поехали подвезу.

Мне он не нравился. Этот Олег Вениаминович.

Ни его сальный взгляд, ни вечно искривленные в усмешке губы, ни волосы, которые он постоянно откидывал назад, словно припадочный. Но я замерзла, а у него наверняка работал обогреватель, и он наверняка мне ничего не сделает, боясь расправы ректора вуза. Но самое главное, он подвезет меня к РOME, потому что сама я не решусь сесть в такси.

Да, я поеду именно к нему. И буду сидеть в подъезде или возле, и ждать. Ждать, когда он, скорее всего пьяный, вернется домой. И буду оправдываться, и буду целовать, потому что не могу жить без надежды, пусть на редкую, но встречу.

Как бы я не хотела от него освободиться, собственные чувства давно загнали меня в капкан и теперь острые края не давали мне уйти, нанося кровавые раны. На сердце и душе.

– Синицына, ты еще с нами? – насмешливо поинтересовался Афанасьев, уже успев приблизиться и помахать перед моим лицом рукой.

– Конечно, – улыбнулась я, стирая последние слезы и чувствуя, насколько затекли ноги. Все-таки движение – жизнь. – Вам будет удобно меня довезти до дома?

Уточнять до какого я не собиралась.

– А ты из какого района? А, неважно, – махнул он ладонью и очень по-джентельменски открыл мне дверь своей чистенькой, синей мазды.

– С такой девушкой хоть на край света.

Это была настолько избитая фраза, настолько вялый подкат, что мне жуть, как захотелось закатить глаза. Но вместо этого я мило и ненатурально улыбнулась, почти что копируя его выражение лица, и залезла в машину. На улице и так было темно, а через тонированные окна почти не проглядывалась улица, и даже городское освещение.

– Нравится? – любовно погладил он приборную панель, на которой мигало сотни цифр, в которых я никогда не разбиралась.

– Очень, – все таким же болванчиком ответила я, но меня уже потряхивало от нетерпения. Когда мы поедем?

Я назвала адрес, и мы тронулись с места. И если Рома во-дил машину мягко, также, как ласкал руками, то у Афанасьева были явные неполадки в нервной системе.

Он все делал рывками. Говорил, танцевал, и вел машину.

К середине пути у меня уже не было уверенности, что я увижусь с любимым, скорее с отцом. Вот так и попадают в аварии, гоняя на желтый свет и стартуя раньше, чем загорится зеленый.

– А знаешь, сколько она стоит? – вернулся к разговору о собственных достоинствах Афанасьев. Не удивилась бы, если он прямо сейчас достанет член, чтобы продемонстрировать размер. Немного покопавшись в интернете, я знала, что у Ромы все равно будет больше.

– Мне как-то неинтересно, – вежливо ответила и взглянула на проносившийся за окном ночной город. На то, как мелькали уличные фонари, яркие вывески магазинов и уже новогодняя иллюминация. Где-то там злился Рома, и мне не терпелось увидеть его, даже раздраженного, даже в гневе. Любого. Моего.

– Очень дорого. Я ждал три месяца, пока ее привезут. У нее полная комплектация и новый комплект...

У него не затыкался рот, отчего меня стало клонить в сон. Ну, сколько можно говорить о машинах. Достал! Лучше бы его последний спектакль обсудили, провальный, надо сказать. И я могу даже назвать причину такого результата. Расхлябанность. Как движений, так и поведения актерского состава. А кто виноват? Разумеется, руководство, перетрахавшее половину актеров. Причем была некая уверенность, что не только женского пола.

– Ты какие машины любишь?

Серьезно? Спрашивать про машины у балерины? Это как спросить у боксера, какие лыжи он предпочитает. Впрочем, была одна машина, которая мне очень нравилась. Трахаться в ней очень удобно, как оказалось.

– Ситроены.

– Французы, – фыркнул он, скривив лицо, сворачивая на нужную улицу. – В них, конечно, есть свой класс, но двигатели слабые, лошадок мало, а скорость они набирают, как черепахи из Тодеса.

Он рассмеялся своей шутке, а я лишь улыбнулась. Вежливо. Натянуто.

– Зато Ситроены надежные, особенно, если в них в аварию попадаешь.

– Здесь не спорю. Каталась, значит, на французках?

– Меня катали... – я резко умолкла, вспоминая те самые карусели, на которых меня прокатил Рома в своем ситроене. Лихо так, до детского восторга и крышесносного оргазма. А о плохом быстро забываешь.

Мы добрались до нужного дома и уже подъехали к подъезду, когда вдруг Афанасьев спросил:

– Так Веселов с тобой спит или с Губановой?

Такой резкий переход темы заставил застыть гипсом внутренности, и я чуть пододвинулась к выходу. Нашупав ручку, я потянула, но она так и не открылась. Блин.

– С Губановой.

– Как хорошо, а то я думал ты занята, – отстегнул он ре-

меня и буквально вжал меня в дверь, потянувшись к моим губам. Вот это поворот.

– Что вы собрались делать? Я не хочу.

Я подняла руки, чтобы оттолкнуть его, но рефлексы срабатывали быстрее и по лицу Афанасьева стало растекаться красное пятно. Пощечина не помогла, он только рассмеялся и снова наклонился ко мне.

– Ну давай же, я знаю, когда девочки меня хотят.

– Олег Вениаминович, но я занята, – толкнула я его сильнее, отворачивая лицо от его мокрых, причмокивающих губ.

– И кем же позволю спросить?

– Мною! – прозвучал знакомый, грубый голос в приоткрытое окно, а в следующий момент голова Афанасьева столкнулась с рулем.

– Ай! Сладенький?! Ты какого лешего здесь забыл? – крикнул Афанасьев, потирая затылок. Рома ничего не ответил, а только разблокировал двери и обошел машину с другой стороны.

Меня терзали два чувства. Бесконечное счастье от того, что я вижу любимого и страх. Рома застал меня в машине с другим. И вот теперь попробуй объясни этому безэмоциональному роботу, что бл*доватый режиссер просто меня подвозил.

Так, стоп?

– А откуда ты знаешь Олега Вениаминовича? – спросила я, пока Рома буквально вытаскивал меня из чужой машины

и вел в сторону подъезда.

– Эй, эй! Рома, – в след нам бежал недонасильник. – Я же не знал, что Сеницына с тобой.

– Как же здорово, что теперь ты об этом знаешь. Исчезни, Афанасьев.

Тот только взглянул на меня и улыбнулся. Очевидно, эта драматическая зарисовка его позабавила.

– До встречи на репетиции, Сеницына. Извини, если обидел.

Ответить Рома мне не дал, буквально впихнув в дверь подъезда, а затем столь же неделикатно в лифт.

– Ай, Рома! Мне же больно, – стала потирать я плечо, которым ушиблась.

– Тебе ли не знать, Аня, что боль ведет к удовольствию.

– Это не...

– Закрой рот! – вдруг рявкнул он, от чего я обиженно надулась.

Опять злится. И что он злится? Я же приехала. И он, вон, вроде и не выпивший. Несмотря на легкую тень ссоры, что пролегла между нами, я не могла на него насмотреться.

Впитывала образ, которым жила последнюю неделю, то и дело опуская взгляд к атрибуту, с помощью которого мне предстоит сегодня извиняться за сорванные планы.

Думаю, можно не говорить, что атрибут уже явно виднелся за ширинкой джинс, серьезно так их оттопыривая.

Когда мы вошли в квартиру, вокруг нас сгустилась напря-

женная тишина. Никто не произносил ни слова, в темноте снимая куртки и скидывая обувь с сумками.

Рома потянулся к выключателю, но передумал и медленно повернулся ко мне. Нависая, подавляя, заглядывая в глаза своими черными от темноты.

Вот прямо сейчас страх захватил меня целиком, легкой дрожью отдаваясь в руках, которые вмиг оказались в тисках его пальцев. В таком состоянии я его еще не видела и мне вдруг захотелось спрятаться, убежать.

– Рома, объясни мне...

– Нет, Аня. Это ты объясни мне, – прошипел, хватая меня за лицо.

– Тебе мало меня? Ты решила еще еб*рей себе завести?

– Что? – мое удивление было искренним, но Рома ни на грамм не поверил.

– Веселов. Афанасьев. Сколько еще поклонников ты мне покажешь, чтобы доказать, насколько ты дорого стоишь?

– Каких поклонников? Рома, ты несешь ерунду. Афанасьев просто подвез меня. Он просто...

– А ты просто дала себя полапать

– Лапаешь меня сейчас ты, – попыталась я вырвать руку, но проще было вырвать с корнем дерево. – Он ничего не успел, и, если ты помнишь, я влепила ему пощечину.

– Несильную, раз он только развеселился, – грубо напомнил Рома.

– Нужно было действовать как ты, и заставить целоваться

с рулем?

– Все лучше, чем наблюдать, как целуется с ним моя... – он резко замолчал и вот тут меня понесло. Я даже мысленно не могла как-то назвать себя по отношению к нему. Я просто не знала. Не знала, как бы он представил бы меня своим коллегам и друзьям.

– Отлично, Рома, ты даже не знаешь, кто я тебе. А я скажу! Отпусти меня! – все-таки вывернувшись я и отошла к двери. Я не хотела уходить, но готова была это сделать, если прямо сейчас ничего не изменится.

Нельзя обращаться с человеком, как с вещью, а потом уповать на судьбу, что она потерялась.

– Я скажу кто. Девочка по вызову. Любовница. Шлюха! – ткнула я в него пальцем.

Он дышал тяжело, в полумраке это ощущалось сильнее. Особенно сильно, когда он резким взмахом руки прижал меня к входной двери, больно ударив затылком.

– А кто спорит, малыш? Тебе с самого начала были известны правила этой недетской игры. Или я ошибаюсь?

Он приблизил свое лицо ко мне, вглядываясь и ожидая ответа. Признать было больно, хотелось кричать и требовать уважения. Но против правды не пойдешь.

– Нет, не ошибаешься, – покаянно ответила я, но тут же воспарила духом. – Но это не дает тебе права...

– Это дает мне право знать, что ты танцуешь только на моем члене.

– Не груби. – отвернулась я и напоролась взглядом на зеркальную поверхность шкафа, в котором так хорошо были видны наши силуэты. Мой маленький, изящный и его высокий сгорбленный, чтобы лица были на одном уровне. Он повернул к себе мое лицо и спросил:

– И почему, скажи на милость, я мучаюсь всю неделю, сдачивая каждый раз после твоего соблазнительно голоса, избегая на все готовых баб, а ты крутишь задом...

– Я не перед кем ничем не крутила, – моему возмущению не было предела. За кого он меня принимает?

– А ты считаешь, Афанасьев по доброте душевной юных девочек в машину сажает? Тебе рассказать, кто он?

– Я – не дура. Я все знаю. Рома, ты сдавил мне горло, – напомнила я, когда его рука с лица переместилась на шею и чуть сжала. – Он бы ничего не сделал... Не посмел бы.

– Зато Веселов, я смотрю, сильно смелый, – рывкнул он и потянулся к куртке, а затем достал телефон и открыл ватсап.

Я зачаровано смотрела на изящные па, запечатленные в стоп-кадре и не понимала... А что такого нашел здесь Рома?

– Захотела показать мне, как хорошо...

– Рома, не смей меня, это просто балет! Просто танец. И если в стоп-кадре и выглядит, как...

– Порнуха.

– Да нет же, – вскричала я, топнув ногой. Он так говорил, словно я в порно актрисы подалась. – Посмотри, вот это – гранд жэтэ, вот это...

– И знать не хочу. И видеть этого тоже не хочу, – отошел он, проведя дрожащей рукой по волосам. – Ты меня до дурки доведешь. Зачем было это присылать?

– Это не я. Как бы я тебе послала. Я ж на сцене весь вечер была. Это...

Рома смотрел, выгнув бровь, ему явно было наплевать, как получилось это недоразумение. Губанова, сучка!

– Ну, послушай, – улыбнулась я и, отложив телефон, приблизилась к этому сгустку обиды и злости. От него исходил гнев, который можно было буквально растереть между пальцами. Я, рискуя всем и вся, вошла в его личное густое пространство, словно в некий сумрак, не отрывая взгляда от потемневшего в гнев лица.

– Аня, я зол. Думаю, тебе лучше...

– Я уйду, если ты скажешь, – подошла я ближе. – Просто я хотела сказать, что когда танцую, то...

– Что? – спросил он, наклоняя голову, когда я прижала ладони к его твердой, накаченной груди и мягко лизнула влажную кадык. Меня пробрало от собственной смелости, а Рома вздрогнул и прищурился.

– Когда танцую, я думаю о тебе.

– Продолжай, – наконец, оттаял он, и рукой коснулся моих влажных от снега волос.

– О том, как ты меня целуешь, – облизнула я губы, зная, что он внимательно следит за каждым моим движением. Особенно если это движение языка. – О том, как сжимаешь

в объятиях.

Наши губы находились на таком мизерном расстоянии, что дыхание от моих слов уже смешивалось с его, а мужские руки все крепче стискивали затылок.

– О том, как глубоко ты в меняходишь, о том, как твой член скользит во мне.

Рома больше не хотел слушать. Нападение его грубых жестких губ было столь сладким и нужным, что я просто растекалась лужицей у его ног.

Так бы и было, не подними он меня за бедра и не прижми к себе. Одна его рука забралась под одежду, другой он растягивал мне джинсы, пока мои руки старательно ему вторили.

С мужским ремнем я так и не научилась обращаться, поэтому уже раздраженной медлительностью Рома просто понес меня в комнату, включив лишь приглушенный свет. А затем, заставив взвизгнуть, бросил на застеленную темным покрывалом кровать.

– Я давно не испытывал такого желания убивать, – грубо и хрипловато говорил он, наблюдая, как я в нетерпении стягиваю с себя джинсы, а сам снимая совершенно ненужные вещи.

– Ты был бы великолепным ревнивым Отелло, – улыбнулась я и поманила его пальчиком.

– Хм, – хохотнул он. – Сомневаюсь, что Шекспир имел ввиду эротическую асфиксию, когда писал об удушении Дездемоны. Но если хочешь, можем попробовать.

Когда он остался в одном белье, то хитро улыбнувшись, залез на кровать помогать мне избавляться от моего, при этом не крепко сжимая шею.

– Я бы не дала себя убить, – хрипло прошептала я, уже чувствуя неприятное давление на горло.

– Зато дашь себя трахнуть.

Когда я осталась обнаженной, просящей ласки, изогнутой от его поцелуев он прошептал:

– Ты моя женщина. Я сделал тебя своей и хочу, чтобы ты моей и оставалась. И не смей думать о себе как-то иначе.

Эти слова вызвали такое болезненное защемление в груди, что из глаз брызнули слезы, а губы сами собой произнесли:

– Я люблю тебя и не хочу этого скрывать.

– И не скрывай, – сказал он, рукой уже найдя самое чувствительное местечко и нежно его массируя. – Про любовь я врать не буду, просто скажу, что схожу от тебя с ума.

– Ревнуешь, – уже на грани шепота стонала я.

– Впервые в жизни, так что есть чем гордиться, – улыбнулся он, захватывая в плен своих рук мое лицо и целуя. Настойчиво. Глубоко. Не давая и шанса вырваться из этой блаженной хватки языка и губ.

Больше мы не говорили. Когда его большой, с крупной головкой член, одним протяжным движением погрузился в мое узкое тепло, стало не до разговоров.

Он растягивал стенки влагалища, заставляя меня бук-

важно задышаться от собственных ощущений. И сколько бы я не танцевала, сколько бы не возбуждалась от музыки, ничего... Ничего не могло сравниться с резвыми, рваными толчками его бедер и члена, так идеально скользящего внутри меня.

– Готовая, всегда готовая, для меня.

И это было очередной правдой, сносящей все рамки гордости и сомнений. Я хотела быть здесь, я хотела быть с ним, чувствовать, как он врывается в меня, буквально вдавливая своим весом в матрас и сжимает ягодицы, чтобы еще сильнее и глубже проникнуть, чтобы захватить в плен чувств и эмоций.

Мои руки царапали его спину. С губ, то и дело срывались стоны, а он продолжал меня трахать, продолжал держать в объятиях-тисках и целовать грудь, втягивать сосок, прикусывать, обостряя и без того дикие волны страсти.

Движения его бедер ускорились, а хватка на теле стала болезненной. Но боль почти не чувствовалась, меня целиком и полностью захватил экстаз. Он приближался, он поглощал, он вынуждал прервать зрительный контакт, и полностью отдаться нирване.

Пulsация его члена во мне, то как он увеличивался... Все это было невозможно изумительным.

Рома зарычал, грубо, по-звериному, и прикусил кожу на моей шее, в несколько мгновений достигая оргазма, в котором уже несколько секунд билась и я.

Тряслась, задыхалась и повторяла снова и снова:

– Люблю.

А он на это только вытер со лба пот, целуя меня нежно и романтично, а затем совершенно не романтично выдал:

– Придется тебе выписать таблетки. Противозачаточные.

Мы устало засмеялись, пока снова не начали целоваться, лаская друг друга руками, и елозя голыми ногами друг по другу.

Его семя залило мне живот и грудь, запачкав и его. Так что первым делом Рома понес меня в душ, хотя после таких танцев все, что я хотела – это спать. Я и правда устала, поэтому, наверное, только с третьего раза услышала трель мобильного.

Рома остановился, держа меня на руках и долго смотрел в темный коридор, в котором мелькал голубой экран смартфона, высвечивая наверняка номер больницы.

Он смотрел туда, как загипнотизированный, а я думала, что если вот прямо сейчас он снова сорвется на работу, то как бы мне не было больно, я просто уйду. Я просто проревусь, подумаю о смерти, но оставлю короткий период жизни с именем «Рома» позади. Наверное. Я постараюсь.

– Надо посмотреть, кто, – шепотом, прижимаясь к нему, напомнила я, радуясь, что можно еще хоть немного побыть с любимым. Побыть его женщиной.

– Надо.

Глава 8. Рома

Я ведь пообещал. Она меня, конечно, выбесила сегодня, но я дал обещание.

Пусть передохнет хоть вся больница, сгорит синем пламенем... Я проведу эту ночь с ней. И я видел, как она застыла, чувствовал, как замерло ее дыхание, когда я направился в темный коридор, так и не выпустив из рук ценную ношу.

Телефон отображал номер сестринского поста в моем отделении. Наверное, Славин опять заболел.

Он сегодня дежурить был должен. Я, напряг всю силу воли, мне действительно было неумоготу отказываться от того, что я ценю больше всего в жизни. Ни семья, ни друзья, даже ни бабки.

Именно хирургия, умение спасти человека на грани жизни и смерти или просто показать свое мастерство. Вот чем я дышу и живу. Но я обещал. Поэтому поддерживая одной рукой Аню, ощущая, как ее обнаженное тело прижимается ко мне, я взял в руку телефон.

И... отключил.

Анька тут же взвизгнула и каким-то невообразимым образом переместилась из одного положения на руках в другое.

Теперь она обхватила меня длинными ногами, практически скрещивая их за спиной. Стала смеяться и осыпать меня поцелуями.

– Срочно в душ, – ворча напомнил я, ощущая, как подни-

мается член. На самом деле внутренне я улыбался от такой не присущей ей беспечности.

Со мной она сдерживается. Отмеряет эмоции, словно шаги в танце.

А мне вдруг захотелось увидеть ее настоящую, и я знал, что смогу этого добиться, если буду видеть ее чаще, смешить и, конечно, трахать. Сейчас мне снова захотелось заняться последним.

Но сначала я довел ее до дрожи, долго и намеренно медленно намыливая мятным мужским шампунем, забираясь в самые потайные уголки.

В какой-то момент, когда я уже по пятому кругу массирувал ее грудь, тщательно задевая соски, Аня недовольно взбрыкнула и просто вырвала у меня мыльную мочалку.

– Изверг!

Я со смешком поддался, когда она толкнула меня к кафельной стене и начала уже свою игру. Пришлось сжать скулы и вцепиться в дверцу душа, потому что вся игра Ани сосредоточилась в одном интимном месте. Она обмывала мошонку, ласкала мыльной рукой член. Водила по нему, сжимала, иногда могла и лизнуть.

– Ты издеваешься, – сдавленно пробормотал я.

– Ага, – только и усмехнулась она и стала смывать пену, лукаво улыбаясь то и дело поднимая ресницы, открывая вид на блестящие синие глаза.

Я вдруг заметил, что она опять схуднула, но это не мешало

наслаждаться приоткрытыми влажными губками, через которые с шумом слишком часто выходил воздух.

Она была красивой девкой. Такой красивой, что в груди рос зверь, желающий ее отнести в свое логово и никому не показывать. Задушить и оставить там навсегда. Опасное чувство, особенно для нее.

Она уже удобно уселась на колени, и я смотрел, как струи воды омывают ее идеальное тело, а губы открываются, чтобы взять в рот далеко немаленькую головку члена.

Я не сумел сдержать стона.

Язычок стал ласкать ствол по всей длине, цеплять уздечку, а когда задевал и чисто выбритую мошонку я вздрагивал, как от удара током.

Если честно, хотелось убрать руки от дверцы душа схватить ее за волосы и просто насадить на себя ее рот.

Трахать грубо и долго, так долго, чтобы излиться в этот чудесный маленький и тесный рот. Кончить с ее именем на губах, и смотреть, как вязкие капли стекают на дерзкую грудь. Но все это придет. Я и этому ее научу, а сейчас.

– Хватит, – поднял я ее на ноги и, впиваясь в кожу пальцами, целовал долго и со вкусом. Смаковал ее рот, язык, сладость моей девочки.

– Рома, – шепнула она, снова найдя ручкой мой член, но я резко развернул ее и, выключив душ, нагнул.

– Я же обещал тебя трахать.

– А можно мы потом поедим?

Я бы накормил тебя, малыш, подумал я, а вслух сказал:

– Сейчас ты кончишь для меня, а потом я прослежу, чтобы ты съела самый большой стейк в городе.

– Ты такой заботливый, – мило хихикнула она и покрутила очаровательной попкой, по которой захотелось хлопнуть ладонью. Я не стал сдерживаться. Шлепнул так, что она удивленно заголосила, а брызги разлетелись в разные стороны.

– Рома!

– Терпи. Без боли нет успеха.

– Без боли нет успеха, – повторила она, и стала насаживаться на мой член. Я входил медленно. Сам. Так эротично, что сводило челюсть. Сегодня нам некуда было торопиться. А когда оказался внутри, то сам нагнулся от сносящей крышу узости и впился губами в мокрую кожу на шее.

Стоять на мокром кафельном полу было неудобно и вообще я не любил секс в душе, но тесное влагище, плотно меня обхватившее и гортанные стоны, в которых то и дело слышалось «люблю и Рома», делали свое дело. Стало наплевать на все.

В голове толчками стучала кровь, ровно в таком же ритме, в котором я загонял член в Аню.

Ноги подкашивались, поясница горела огнем, а из горла только и вырывались, что нечеловеческие хрипы, но я продолжал держаться за тонкую талию и толкаться внутрь. Снова. И снова. Быстрее. Резче.

Меня кидало то вверх, то вниз, и эти американские горки стремительно приближали к оргазму, и я хотел взять Аню с собой, поэтому нашел одной рукой грудь, а другой клитор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.